

От автора бестселлера New York Times «Жестокие святые»

ЭМИЛИ А. ДУНКАН

БЕЗЖАЛОСТНЫЕ БОГИ

18+

ТЕНИ ПОЛЗУТ ИЗ ТЬМЫ.
ВОЗМЕЗДИЕ ПРИХОДИТ С НЕБЕС

Эмили А. Дункан

Безжалостные боги

Серия «Нечто темное и святое», книга 2

*indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63083217*

*Эмили А. Дункан Безжалостные боги:
ISBN 978-5-04-112628-5*

Аннотация

Зловещий, коварный мир «Жестоких святых» вновь открывает перед вами свои двери. История продолжается. Безжалостные боги выходят на арену борьбы, угрожая погрузить все вокруг во мрак.

Теперь их судьбы неразрывно связаны, ведь они – пешки в руках темных сил.

НАДЯ оказывается в полной неизвестности: вероятно, боги покинули ее. Той магии, на которую она полагалась, больше нет. Но она чувствует, что еще способна бороться за мир.

СЕРЕФИН слышит голос, который ему не принадлежит. И понимает, что сила, в которую он никогда раньше не верил, настигла его.

МАЛАХИЯ с каждым днем обретает все большее могущество. Но наделяя властью, тьма способна увлечь на дно пропасти, обрекая на погибель.

У каждого из них своя собственная цель. Но что, если в этой темной игре, которой управляет хаос, поражение неизбежно?

Содержание

Пролог	7
1	9
2	24
Сцена I	39
Черный стервятник	39
3	42
4	63
Сцена II	74
Малахия	74
5	84
6	103
7	128
Надежда	136
8	145
9	155
10	169
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Эмили А. Дункан

Безжалостные боги

Emily Duncan

SOMETHING DARK AND HOLY #2: RUTHLESS GODS

Copyright © Emily Duncan, 2020

First published by St. Martin's Press

Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency

Серия «Young Adult. Нечто темное и святое»

© Норицына О., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Посвящается всем странным личностям
и моим братьям Ноа и Иану*

Пролог

Девушка, которая застряла в неизвестности

Вокруг царила тьма. Бескрайняя, холодная и живая. Девушка чувствовала, как та дышит, двигается, ожидает чего-то. И ничто не помешает тьме поглотить ее.

Она чувствовала, что ее руки приковали к каменной плите – и это означало, что из этого неизвестного ей места никак не выбраться. И даже не могла вспомнить, когда перестала бороться. Но больше всего девушку пугало – ужасало до мурашек и пробирало до костей, – что она не знала, кто она такая.

– Тебе еще вернут это знание, – донесся до нее спокойный ласковый голос, а затем кто-то нежно провел по ее волосам, что разительно отличалось от остальных жестоких и грубых прикосновений. – Понимаешь, тебе будет позволено вернуть только что-то одно. Но лишь когда все завершится. Когда зависимость от тьмы станет сродни зависимости от горького вина, которое жаждешь и в то же время ненавидишь. Когда ты станешь относиться к тьме как к сокровищу, за которое будешь готова убить или умереть. Только тогда ты все осо-

знаешь.

Девушке очень хотелось дотянуться до этого голоса. Он звучал ужасно знакомо. Вызывал образы костей, золота и крови. Целых рек крови. А еще образ парня с троном, парня, направляемого другим, и девушки с волосами цвета снега, которая не может найти свое место.

Но здесь все это не имело значения.

Тьма уже пробиралась ей под кожу. Расползалась внутри, просачивалась в кости, бурлила в венах, разрывая ее на части и превращая в нечто другое.

Если бы она могла закричать, то давно бы сорвала голос. Если бы могла сопротивляться, то бросила бы на это последние силы. Но она ничего не могла поделать. Только смириться со своей судьбой.

Ее окружала тьма, такая бескрайняя, что девушке казалось, будто ей все померещилось. И тот ласковый голос. И то нежное прикосновение к волосам. Здесь царила лишь тьма. Только она.

1

Серефин Мелески

*«Змея, могила, игра света – Велес всегда тянулся
к тому, что ему не принадлежит».*

Записки Влодзимежа

Серефин Мелески прекрасно знал, что наступил тот момент ночи, когда готовится предательство. Время, когда обнажаются мечи, а планы не только обсуждаются, но и воплощаются в жизнь. Тот час, когда рождаются монстры.

И хотя он прекрасно понимал это, осознание неизбежного не делало ожидание менее мучительным. Правда, Серефин не желал спать не потому, что терзался в ожидании новой напасти. Нет, он не смыкал глаз, потому что предпочитал напиваться до беспамятства, чем встречаться лицом к лицу со своими кошмарами.

Но к тому моменту, когда Кацпер проскользнул в его покои, он уже очнулся. Видимо, друг пришел, чтобы разбудить его, но вряд ли удивился, когда увидел, что Серефин лежал на диване в гостиной, закинув одну ногу на спинку, а вторую поставив на пол. Рядом, в пределах его досягаемости, стоял пустой стакан, а на подлокотнике виднелась открытая книга, куда он отложил ее, пока обдумывал то, что занима-

ло его мысли каждую ночь последние четыре месяца: сны о мотыльках, крови и монстрах.

А еще ужас на краю его сознания и этот голос. Тоненький шепот, который проник в него в том месте, в котором Серефин оказался после смерти. И остался с ним. Так что теперь странные напевы постоянно гудели в его крови.

«Все неприятности ты создаешь себе сам», – отрезал голос. Но Серефин изо всех сил постарался не обращать на него внимания.

– И кто же там? – спросил он у Кацпера.

На его голову уже давно возложили кованую железную корону, после чего разрезали ладонь и окропили на алтаре, чтобы провозгласить новым королем Транавии. И теперь его свержение стало лишь вопросом времени. Он никогда не нравился аристократии: ни когда считался Верховным принцем, ни после коронации. Так что вопрос состоял не в том, когда это произойдет, а в том, кто первым рискнет нанести удар.

Серефин не пресекал напряженные шепотки и не стал объяснять, как умер его отец. Чем еще больше искушал судьбу. В Транавии всегда велась грязная политика. Очень, очень грязная.

– Там целое собрание, – тихо ответил Кацпер.

Серефин кивнул, даже не потрудившись сесть. Он ожидал этого от славков, которые поддерживали его отца.

– И в их числе ксеши Руминский, – продолжил Кацпер.

Поморщившись, Серефин наконец поднялся с дивана, а затем прокусил палец, чтобы зажечь несколько свечей с помощью магии крови, и медленно вытер руку.

Семья Жанеты уже несколько месяцев требовала ответов. Но Серефин все еще не знал, что им сказать. Не говорить же. «О, мне так жаль, но она оказалась предательницей, и Черный Стервятник решил, что ей самое место среди его сородичей. Это так трагично и нелепо. Но ничего не поделаешь!»

Тревога, словно гнойник, зрела у него под кожей. Да, Жанета предала его, и это привело к смерти, но заслужила ли она ту ужасную участь, что выбрал для нее Малахия?

– Ты невероятно спокоен, – заметил Кацпер.

– А что они смогут сделать? Повесить меня? Закрыть в подземелье и выбросить от него ключи?

Уныло вздохнув, Кацпер опустил плечи.

– Ненавижу, когда ты ведешь себя так пораженчески, – пробормотал он, проходя мимо Серефина, чтобы добраться до его спальни.

– Куда это ты собрался? – спросил хозяин покоев. Он обвел внимательным взглядом бутылки в шкафу, а затем вытащил оттуда чудесным образом нетронутую бутылку водки. – И я не веду себя пораженчески, – пробормотал Серефин. – Я прагматик. Реалист. А происходящее было неизбежно.

– Переворот не неизбежность, – огрызнулся из глубины спальни Кацпер. Он там что, вещи собирал? – Если бы ты повесил эту проклятую клиричку, вместо того чтобы втяги-

вать ее, как и всю страну, в хаос, ничего этого не случилось бы. Так что неудивительно, что у нас под носом обсуждают переворот. Неужели ты хочешь закончить, как твой отец?

Серефин вздрогнул. А затем сделал большой глоток. Ему снились не только мотыльки и кровь, но и тело отца у его ног. Да, не он нанес смертельный удар, но и вины своей не умалял.

– Нет, – прошептал он, отгоняя бледного мотылька от пламени свечи.

– Нет. Ты этого не хочешь.

«Но это, скорее всего, неизбежно», – мрачно подумал Серефин, понимая, что Кацпер не обрадовался бы, услышав это.

– Половину твоей одежды сожрала моль. – В голосе Кацпера прозвучало отчаяние.

В тот же момент двери в покои распахнулись настежь, и Серефин быстро протянул руку к книге заклинаний. По венам заструился адреналин. Но через мгновение его плечи расслабились, а с губ сорвался вздох. Это оказалась лишь Остия.

– О, ты не спишь, – спокойно объявила она.

– Запри двери.

Она послушно выполнила просьбу Серефина.

– Я рассказал ему о происходящем, но он продолжает пить! – возмутился Кацпер.

Серефин протянул подруге бутылку водки, так что когда

Кацпер выглянул из спальни, то увидел, как Остия приняла ее и сделала глоток.

Она подмигнула Серефину, на мгновение дольше обычного прикрыв свой единственный глаз.

– Да иди уже сюда, Кацпер, – сказал Серефин.

Тот громко фыркнул и вновь появился в дверном проеме.

– Они уже давно устраивают собрания?

– Нет. Уверен, это их первая встреча, – ответил Кацпер.

– Значит, сегодня они не нападут.

– Но...

– Сегодня они не нападут, – уверенно повторил Серефин.

Подавив нарастающую панику, он забрал бутылку у Остии. Тревога уже давно стала его постоянной спутницей, ожидающей его неверного шага. И если он хоть на мгновение всерьез задумается о своей жизни, то она тут же поглотит его полностью. Так что ему оставалось лишь притворяться, что ничего не происходило.

Кацпер устало привалился к дверному косяку.

– Твоя забота о моей безопасности, конечно, отрадна, – продолжил Серефин, не обращая внимания на ироничный взгляд Кацпера. – И ты прекрасный шпион. Но немного торопишь события.

Тот медленно соскользнул на пол.

– Давай сначала выясним, чего они хотят. – Поставив бутылку на стол, Серефин отмахнулся от очередного мотылька.

Нахмурившись, Остия подошла к дивану и уселась на подлокотник. А затем зевнула.

– Мы прекрасно знали, что рано или поздно семья Руминских захочет узнать ответы, – сказал он.

– Ксеши Руминский требует их уже несколько месяцев, Серефин. Поэтому вполне очевидно, что у него закончилось терпение, – простонал Кацпер.

Серефин устало пожал плечами.

– Может, нам удастся с ними договориться? Уверен, есть что-то, чего они хотят и что я могу им предложить.

– Тайные встречи твоих врагов не предполагают обсуждения списка требований, – заметила Остия.

– Да весь двор – мои враги, – опускаясь в мягкое кресло, пробормотал он. – В этом-то и проблема.

Девушка задумчиво кивнула.

Серефин пытался расположить к себе двор, но ничего не вышло. Слишком о многом шептались по углам. И по большей части о том, что он не мог объяснить произошедшие события. Не мог же он рассказать, кто на самом деле убил его отца. Так что слухи, кружащиеся во дворе, разрастались и вскоре опасно приблизились к истине. Убийца из Калязина. Черный Стервятник. Предательство. Бедствие. Пропавшая дворянка. Убитый король. Титулы, которые ему даровал простой люд и от которых не получалось избавиться: король Мотыльков, король Крови. Из-за произошедшего той ночью народ считал Серефина благословленным. А что еще

они могли подумать после того, как с небес полилась кровь?

Вот только у него после той ночи осталась лишь куча вопросов и противостояние со знатью. Калязинцы оттесняли войска Транавии. Видимо, хоть транавийцы и не знали, что их король пал от руки единственного клирика Калязина, те в этом не сомневались.

И Серефину совершенно не хотелось, чтобы Калязин обрел новую надежду.

Он не мог остановить войну. И не мог ответить на вопросы дворян, потому что не желал, чтобы Надю вздернули на виселице. Она сделала то, что не удалось сделать ему, но при этом все еще оставалась калязинкой и обладала силой, которой Серефин не доверял и в которую не до конца верил. Но при этом он не хотел ее смерти.

– И что будем делать? – спросила Остия.

Серефин провел рукой по волосам.

– Не знаю.

Серефин прекрасно понимал, что Руминского успокоит единственное решение, но даже не представлял, как вернуть Жанету. Он заметил, что Стервятникам сильно досталось. Теперь они редко встречались в коридорах дворца, но желания стучать в двери собора, чтобы узнать, что за ними происходит, он не испытывал.

Серефин устало потер глаза. Ему бы хотелось хоть раз проспять всю ночь, но вместо этого он отправился на поиски

клирика, которая, как и всегда, отсиживалась в библиотеке.

– Ох, Его Величество соизволил почтить бедную, чахнущую в запертой башне боярыню, – сказала Надя, как только он нашел ее.

Она сидела на широком, расположенном высоко от пола подоконнике, утопленном в стену. Одна нога свисала вниз, а белокурые волосы струились по плечам. Вот только обычно она тщательно заплетала свои волосы. Насторожившись, Серефин заглянул в щели между стеллажами, чтобы убедиться, что поблизости нет никого, кто мог бы их подслушать. Хотя вряд ли кто-то из славок поднимается с кровати в такую рань.

– Ты же понимаешь, что вынуждаешь меня отправить тебя на виселицу? – пробормотал он.

Надя тихо фыркнула, и в ее темно-карих глазах мелькнуло высокомерие. Она уже давно отказалась от роли бестолковой славки Йозефины из захолустья, явив свой гонор, остроумие и несносный характер. Рашид, красивый аколиитский парень, который неотступно следовал за ней, спокойно отдал Серефину ее новые документы, так как бледная кожа с еле видными веснушками, светлые волосы и выделяющиеся на их фоне темные брови и глаза совершенно не соответствовали рыжеволосой Йозефине. Конечно же, документы оказались поддельными. Новое прикрытие подходило ей идеально и объясняло их присутствие здесь: из-за размытых множеством вышедших из берегов озер Надежда Лещинская позд-

но прибыла на Равалык и теперь не могла вернуться домой. Этой легенды они и стали придерживаться. К тому же ее имя считалось вполне транавийским, хоть она и произносила его с акцентом.

Вздохнув, Надя пододвинулась к стене и жестом пригласила его присесть рядом. Серефин принял приглашение и начал перебирать стопку сложенных перед ней книг. Это оказались транавийские тексты о древних религиях, которые выглядели такими ветхими и хрупкими, что, казалось, рассыпятся прямо в руках.

– Где, кровь и кости, ты их откопала? – удивился он.

– Вряд ли ты захочешь знать ответ на этот вопрос, – отрезанно сказала она, возвращаясь к своей книге. – Хотя, думаю, тебе стоит предупредить библиотекаря. Не хотелось бы, чтобы у старого мага крови случился сердечный приступ, когда он обнаружит, что пропала часть его коллекции запрещенных текстов.

– Не знал, что здесь есть запрещенные тексты.

Калязинка громко фыркнула.

– Так я тебе и поверила. А с чьей тогда подачи всю эту ересь держат подальше от обычных граждан?

– Надя...

– Правда, стоит признать, – продолжила она, – меня удивило, что эти книги не сожгли. Мне казалось, что вы поступаете именно так.

Но Серефин не стал поддаваться на провокацию.

Несколько минут Надя молча читала, а он перебирал страницы попавшейся под руку книги. Но ему так и не удалось понять, что она изучала.

– Ты не видела в последнее время здесь кого-нибудь из Стервятников? – наконец спросил он.

Опустив книгу, Надя недоверчиво посмотрела на него.

– Я... что?

Он рассчитывал, что она просто ответит «да» и не придется вдаваться в подробности.

– Мне казалось, что у короля Транавии больше причин общаться с этой сектой, чем у пленной крестьянки, – чопорно ответила она.

– Надеюсь, кто-то услышит твои слова, и мне не придется больше решать, что с тобой делать.

Но Надя в ответ на это лишь усмехнулась. А затем откинулась назад и поболтала ногами в воздухе. Серефин и сам не понимал, почему спросил ее о Стервятниках. Но они с Малахией появились в Гражике в одно и то же время и явно знали друг друга. Да и Серефин не интересовался, что их связывало. Но, судя по тону голоса Нади, они с Черным Стервятником стали больше, чем простыми союзниками, так что его поступок она восприняла серьезнее, чем предательство.

Так с чего Серефин решил, что ей известно о Стервятниках больше, чем ему? Клирику из Калязина? Да это же смешно. И ничего ему не дало.

Серефин прижался головой к стене.

– А почему ты спрашиваешь? – спросила Надя.

– Я не обязан делиться с тобой своими мотивами, – напомнил он.

– Серефин, с каждым днем я все больше и больше жалею, что оставила тебя в живых, – отозвалась Надя, но в ее словах не слышалось и капли злости.

Между ними с трудом установилось перемирие, но хоть Надя и злилась, что ее удерживают взаперти во дворце, казалось, она не горела желанием уехать из Транавии.

– Из-за Жанеты, – тихо признался Серефин.

Надя побледнела, а он коротко кивнул, подтверждая ее опасения.

– Что с ней случилось? – спокойно спросила она.

– Ее забрал Малахия.

Услышав его имя, Надя вздрогнула и принялась ковырять кожу на пальце, лишь бы не встречаться взглядом с Серефином.

– Она предала тебя, – напомнила Надя.

Ему показалось, калязинка озвучила этот факт в попытке убедить себя, что Малахия поступил правильно.

– И я умер.

– И ты умер.

– Вроде бы.

– Знаешь, они разговаривают со мной, – сказала Надя.

Ее рука скользнула к шее, но тут же опустилась вниз, не

ощутив ничего, кроме кожи. Серефин не раз видел это движение. Раньше Надя носила маленький серебряный кулон, но он куда-то исчез.

– В ту ночь, в соборе, находились не только мы. Они твердят, что даже смерть не указ новому молодому королю.

Серефин вздрогнул.

– Моя богиня-покровительница – Смерть, – продолжила Надя. – И никто, пересекший границу ее владений, не возвращался оттуда.

Кровь, мотыльки и звезды. И этот голос, этот голос...

– И что она говорит обо мне? – выпалил Серефин прежде, чем тот вновь заговорит с ним.

Надя неуверенно пожала плечами, не сводя взгляда с книг на стеллажах.

– Она больше не разговаривает со мной.

Не об этом планировал поговорить Серефин, когда пришел сюда. Но отчаяние в голосе Нади удивило его.

– Что подумают транавийцы о короле, который воскрес из мертвых? – помолчав несколько минут, сказал он.

Приподняв бровь, Надя посмотрела на него. Он вспомнил, как вокруг ее головы сиял потрескавшийся и запятнанный нимб.

Она приподняла руку, и один из бледно-серых мотыльков, которые постоянно порхали вокруг Серефина, опустился на ее указательный палец.

– Серефин Мелески, – задумчиво произнесла она. – Я ви-

жу на тебе метку, которая с каждым днем все сильнее наливается тьмой. И подумала... – Надя замолчала и махнула рукой на стопки книг. – Подумала, что... ну, не знаю, что смогу помочь? Что могу понадобится тебе? Не важно.

– Помочь мне? Или ему?

– Не важно, – повторила она, и в ее голосе послышалось раздражение.

– Если недоверие вырастет, то никому из нас не уцелеть, – сказал он.

Надя кивнула. Она уже ходила по краю. Если королевский двор ополчится на нее, Серефин не сможет ничего противопоставить им. Хотя он и сам до конца не понимал, почему вообще защищал ее.

– Кажется, у меня не остается выбора. Хоть ты и разрушил мой дом, – проговорила Надя.

Серефин не стал развивать тему, но при этом понадеялся, что она не станет откладывать этот вопрос. Закрыв книгу, он положил ее на стопку. Серефин никогда не планировал сжигать монастырь и не мог отвечать за то, что сделал Теодор после его отъезда. Тогда его заботило лишь одно: найти ее. Потому что это избавляло от настойчивых просьб отца, который стремился захватить клирика, чтобы усилить свои способности мага крови. Но в то время Серефина не особо интересовало, зачем отцу девушка. Он стремился покончить с войной, а после ее захвата это стало бы сделать намного легче.

– Да, это сделал я. И солгал бы, сказав, что не ожидаю от тебя мести за это.

– А я бы солгала, сказав, что не желаю мстить.

– Посмотри, как мы честны друг с другом!

Надя закатила глаза.

– Ты жалеешь о своем поступке?

– Это война, – ответил Серефин, но, наткнувшись на ее пристальный взгляд, вздохнул. – Надя, если я хоть раз позволю себе пожалеть о своих поступках, то у меня пропадет все желание вставать по утрам с кровати. – Надя задумчиво хмыкнула. – Так ты будешь мне мстить?

– Это не стоит моих усилий. Серефин, понаблюдав за королевским двором, я поняла, что твоя смерть никак не повлияет на развитие действий на фронте.

– Ничего себе, меня спасли так «горячо любящие» меня дворяне.

Надя сердито посмотрела на него.

– И как со всем этим связана Жанета?

– Ее отец планирует устроить переворот, если я не покажу ее в ближайшее время.

– А ты не думаешь, что он сделает это независимо от твоих действий?

– Ах, меня свергнут так «горячо любящие» меня дворяне.

Но Надя была права. Он не собирался останавливать уже запущенные шестеренки. Да и мистицизм, окутывающий его, лишь усугублял ситуацию. Как может править Транави-

ей человек, который соприкоснулся с тем, чего не понимает никто?

И не стоит забывать о голосе. Он постоянно что-то шепчет ему. Но Серефин не отвечал, надеясь, что это сделает его менее реальным. Если об этом никому не говорить, то можно считать, что этого и нет.

А может, он просто так сильно походит на своего отца, что тоже начал сходить с ума?

Несколько минут их окружала тишина. Серефин не знал, что ему делать, а Надя ничем не могла помочь. Но если его свергнут, ее тут же повесят.

– Без Стервятника нам не добраться до нее, – сказала Надя. И чуть тише добавила: – Ты что-нибудь слышал о...

Серефин покачал головой, обрывая ее слова. Каждые несколько недель она спрашивала о Малахии, и каждый раз он отвечал ей «нет», намеренно обманывая ее. Но вряд ли ей хотелось бы услышать те слухи, что доходили до него. О смертях и темной магии, за которыми мог стоять лишь его двоюродный брат.

– Ты что-нибудь придумаешь, – сказала она. – Ты должен что-то придумать.

Это что-то новенькое: они вместе ищут решение его проблем. Но и выбора у них не оставалось. Если Серефин не остановит это, то все останется как прежде.

2

Надежда Лаптева

«Богиня зимы прекрасно знает вкус горького холода, сломанных костей и промерзшей земли, которая уничтожает все живое. Богиня смерти знает вкус мести и жгучую ненависть, которая питает войны, вспыхивающие между людьми. Маржесня доброжелательная, если на то есть ее воля, но маска жестокости ей больше к лицу».

Писание богов, 399:30

К своему удивлению, Надя отыскивала множество транавийских священных текстов, которые последний клирик Калязина могла прочесть, пока выжидала своего часа в плену, в самом сердце Транавии. Неужели действительно последний? Оставалось лишь надеяться, что это не так, что она не провалила свою миссию.

Правда, будь здесь Серефин, он бы упрекнул ее, что она не пленница, а просто не должна покидать дворец.

Она бы на это ответила определением слова «пленник», хотя и сама понимала, что он прав. Чем дольше Надя находилась в Гражике, тем большая опасность ей угрожала, но во дворце она находилась в хрупком пузыре защиты Серефина. Защиты, которую он предложил ей, сам не зная поче-

му. Но Надя понимала, что лишилась магии и не переживет путешествие через Транавию, чтобы добраться до дома. Источник силы, к которому она прикоснулась, либо иссяк, либо и вовсе никогда не принадлежал ей. И, как бы Надя ни отрицала это, она медлила, потому что все еще надеялась, что печальный, сломленный парень, который привел ее сюда, вернется. Ее злило, сколько в ней просыпалось надежды каждый раз, когда она спрашивала Серефина о нем. И как быстро она рушилась, стоило услышать в ответ «нет».

Почему Надя продолжала надеяться на парня, который предал ее? За несколько месяцев тишины ее бешенство сменилось тупой болью. У нее не осталось злости сражаться с Серефином, не говоря уже о Малахии.

Поэтому она просто пробиравлась через дворец и таскала к угловому окну с широким подоконником все религиозные тексты, которые только смогла здесь отыскать. Но ни в одном из них Надя не нашла ничего полезного. Все-таки это были ее боги, и мало какая книга, написанная много веков назад транавийским священником, могла поведать ей что-то новое. И все же временами она находила на страницах намеки на то, из-за чего потерпела такую сокрушительную неудачу. Почему боги перестали общаться с ней и как парень, скрывавший внутри чудовище, смог преобразиться во что-то божественное.

Иногда в книгах, которые находила Надя, говорилось о неизвестных ей древних религиозных сектах и святых.

Сколько клириков, подобных ей, покинули боги? Эта мысль разбивала ей сердце, если там еще оставалось что-то целое.

После ухода Серефина, так и не приблизившегося к решению своих проблем, она покинула библиотеку, оставив стопки непонятных и запрещенных текстов на подоконнике. Она каждый день прятала найденные ей книги где-нибудь в комнате и до сих пор никто не трогал ее постоянно растущие стопки. Но старый библиотекарь всегда вел себя так, словно его оскорбляло до глубины души, что кто-то кроме него пользовался библиотекой.

– Вот ты где! – воскликнула Париджахан и потащила Надю прочь от кухни, где та собиралась стащить немного сыра и хлеба в свои покои. – Сегодня вечером состоится званый обед, на котором ты обязана присутствовать.

Надя застонала.

– Почему Серефин не предупредил меня?

– Он сказал, что стоит ему это сделать, как ты исчезнешь, и даже мне не удастся найти тебя. И, судя по всему, он был прав.

– Я убью его, – пробормотала Надя, послушно шагая за Париджахан в их комнату.

– Если бы хотела, ты бы уже давно сделала это, – спокойно ответила та.

Девушка из Аколы сегодня надела простые брюки и блузку свободного кроя оттенков темного золота. Черные волосы

она заплела в тугую косу, а каждый раз, когда они проходили мимо окна, в носу поблескивало золотое колечко. Они перестали притворяться, что Париджахан – служанка Нади, но акойка продолжала отклонять предложения Серефина выделить ей отдельные комнаты и относиться к ней как к истинной аристократке. «Это вызовет ненужные подозрения», – говорила она. И Надя заметила, что Париджахан старалась избегать встреч с несколькими из славок.

Даже теперь, после смерти короля Транавии, она все еще вела себя напряженно и до сих пор хранила свои секреты от Нади.

Предательство Малахии стало для Париджахан столь же неожиданным, как и для нее, но на все вопросы она давала такие запутанные ответы, что они мало что объясняли. Да и расспросы Рашида ничего не дали. Акойец слишком хорошо умел обращаться со словами, так что, даже прослушав его ответ, растянувшийся на десять минут, ты понимал, что так ничего нового и не узнал.

– Серефин говорил тебе что-то еще? – спросила Надя.

Париджахан покачала головой.

– Мне показалось, или он выглядел так, будто не спал всю ночь?

Под бледно-голубыми глазами Серефина залегли темные круги, а подбородок и щеки покрывала щетина. И вдобавок от него несло алкоголем.

– Не показалось. Но, честно говоря, я его не виню.

Надя тоже плохо спала. Все те тяжелые месяцы, что прошли после ночи в соборе, ее преследовали не самые приятные сны. Но по крайней мере, в них ей не приходилось мириться с тишиной в своем сознании. Она никогда раньше не оставалась наедине со своими мыслями и внезапно поняла, что ей это не нравится.

– Вычитала что-нибудь интересное? – поинтересовалась Париджахан.

Она всегда задавала этот вопрос после Надиных прогулок в библиотеку, но та всегда лишь пожимала плечами. Надя и сама не знала, что искала. Да и по большей части просто пряталась там: от себя самой, от Серефина, от Париджахан.

– В Транавии жила святая по имени Марина Чирпица, которой отрубили голову. Но она просто подняла ее и ушла.

Париджахан покосилась на подругу.

– Ты это действительно вычитала или придумала сама?

Надя прижала руку к сердцу.

– Это моя религия, Пардж, зачем мне врать?

Аколийка фыркнула.

– Это не выдумки! В честь нее даже создали культ. Но вера в богов все уменьшалась, и примерно через сто тридцать лет Транавия отказалась от веры.

Париджахан задумчиво хмыкнула, переступая порог их комнаты. Надя тут же плюхнулась на козетку в гостиной.

– Хватит пропадать в библиотеке каждый день, читая истории о святых, которые ты и так уже знаешь.

Расстроенная, Надя потянулась к четкам, но тут же отдернула руку, не обнаружив их на шее. Подобное происходило каждый день, но она все еще чувствовала боль и все еще надеялась, что та поутихнет. Собрав волосы за спиной, Надя принялась заплетать их.

– Как ему пришло в голову, что именно он должен свергнуть богов? Уверена, он где-то вычитал про это. Что-то же натолкнуло его на подобную мысль? И я должна отыскать, что именно.

Париджахан пересекла комнату и присела рядом с Надей.

– Или он просто идеалист, который отыскал для себя «козла отпущения». Так что не думаю, что ты найдешь ответы на эти вопросы в старых книгах.

– А что мне еще остается делать? – тихо проговорила Надя.

Париджахан обхватила рукой ее подбородок и повернула лицом к себе.

– Перестань. Он причинил тебе боль. И ты не должна тратить все свои силы на его спасение, потому что он явно не хочет, чтобы его спасали.

– Знаю.

Никто даже не догадывался, что боги больше не разговаривают с Надей, что она стала простой калязинской крестьянкой. И пользы от нее теперь никакой. Так что она пыталась не спасти его, а просто понять. Последнее и стало для нее губительным. Именно этот недостаток использовал Ма-

лахия, чтобы соткать гобелен лжи, которым и очаровал ее.

– Кроме того... – продолжила Париджахан, и в ее голосе зазвучали хитрые и расчетливые нотки, – если он и наткнулся на эту идею в книге, то почему бы не поискать ее в соборе?

Надя вздрогнула. Она избегала этого места несколько месяцев. И даже мысль о возвращении туда пробирала ее до костей... Но все же...

Аколийка заметила, что она колеблется.

– Его там нет, – сказала она. – Тебе ничего не угрожает.

Надю тут же окутали противоречивые эмоции: желание отомстить и тоска.

– Я не поняла, ты меня ругаешь или поощряешь?

На лице Париджахан появилась печальная улыбка.

– Может, и то и другое?

– Сколько осталось до ужина?

– Думаю, у нас есть время, – покосившись на солнце, видневшееся в окне, ответила Париджахан и пожала плечами.

Надя рассматривала сломанные статуи, выстроившиеся вдоль входа в огромный черный собор, и задавалась вопросом, не вызван ли сковывающий ее страх тем, что она уже знает, что скрывается внутри? Или он связан с тем, что в этот раз она переступит порог без какой-либо защиты?

На лице Париджахан застыло безразличное выражение, и она едва ли скользнула взглядом по осыпающемуся фасаду собора. «Наверное, ей так проще, скрываться за маской пол-

нейшего равнодушия», – решила Надя, когда аколийка рывком распахнула огромные деревянные двери.

Внутри стояла полнейшая тишина. Надя судорожно вздохнула, не желая вспоминать последний раз, когда она была здесь: как переплела пальцы с пальцами Малахии, как доверяла ему вопреки всякой логике. Ведь она не хотела переступить порог дома Стервятников.

«Вот только когда-то этот собор не был их домом», – подумала она. Проведя рукой по стене, Надя принялась гадать, какому богу поклонялись здесь до того, как Транавия решила отказаться от веры. Паника, вызванная тишиной в голове, тут же сдавила своими когтями ее грудь, поэтому она старательно отогнала эти мысли прочь и последовала за Париджан, которая, к сожалению, целеустремленно шагала вперед.

– Ох, Пардж, ты уверена?

– А где еще нам искать? – ответила аколийка.

И она была права. О том, что произошло с Черным Стервятником, не ходило ни единого слуха. А Надя спрашивала, хотя на самом деле ей не хотелось ничего знать. Ведь это означало признать тот почерневший шрам на ее ладони, который, к Надиному стыду, время от времени нагревался и сильно чесался. А еще признать, что ее сердце тянется к чему-то далекому, словно связано с кем-то единой нитью. Надя не знала, что произошло той ночью, когда она вырезала символ Велеса сначала на своей ладони, а затем на ладони Малахии. Что-то произошло, когда она украла его силу, что-

бы воспользоваться ей. Когда Надя совершила невозможное.

И это все еще жило в ней. Грязная, чернильная тьма магии Малахии дремала где-то глубоко внутри.

Париджахан толкнула дверь в покои Малахии, и в уголках ее губ мелькнула легкая улыбка, когда та поддалась.

Но Надя не спешила переступить порог. С ее последнего посещения этой комнаты здесь ничего не изменилось. На спинке кресла все так же висел военный мундир в заплатках. В каждом углу комнаты виднелись сложенные рисунки, а на книжных полках высились стопки книг. Много, очень много книг.

Париджахан тихо присвистнула.

– Вот где надо искать ответы.

Нахмурившись, она подняла мундир с кресла и протянула Наде.

А Надя подождала, пока аколийка отвернется, затем надела его поверх платья и уткнулась лицом в воротник. От него все еще исходил запах железа, земли и парня, который успокаивал ее и в то же время причинял боль. Боль, сравнимую лишь с ударом ножом в грудь.

Она так и не разобралась в своих чувствах касательно предательства Малахии, но надеялась, что со временем ей удастся распутать эту мешанину. Надя знала, какие чувства должна испытывать к нему сейчас и каких чувств от нее все ожидали. Вот только она не понимала, будут ли они искренни.

Да, ее сжигали гнев и обида, но она все так же ловила себя

на мысли, что ждет, когда он ворвется в ее комнату в вихре темных волос, плохих шуток и сияющих до рези в глазах улыбок. Надя скучала по нему.

Но Малахия больше не был тем парнем. Он стал сильным и жестоким идеалистом, его тело изменилось, а разум повредился.

Надя все еще надеялась, что перестанет думать о нем. Он врал ей месяцами, изображая из себя встревоженного парня, который совершил ошибку и ищет помощи, чтобы исправить ее. Но вместо этого Малахия воспользовался Надей, чтобы обрести силу, столь грозную, что та стерла в нем все остатки человечности.

Нелепый и высокомерный транавиец с хитрой улыбкой, который грыз ногти от волнения, исчез. И возможно, навсегда. И она была так сильно опечалена его потерей, что это даже утихомирило ее злость. Он не заслуживал ее сочувствия, но ее сердце считало иначе.

– Как думаешь, он планировал это с самого начала? – тихо поинтересовалась Надя.

Париджахан перестала рыться в стопке рисунков и подняла голову.

– Неужели ты наконец готова поговорить об этом?

Надя пожала плечами.

– Мы с ним путешествовали несколько месяцев, и он ни разу не говорил о том, чтобы тебя найти, – сказала Париджахан. – Мне даже пришлось уговаривать его пойти с нами, ко-

гда мы слышали слухи о клирике. А значит, что-то заставило его сбежать в Калязин, а потом вернуться сюда. Но он никогда не упоминал, что именно.

– Зато он прекрасный лжец.

– Он очень хорошо умеет лгать, – согласилась Париджахан. – Или он просто говорит правду.

Надя покосилась на темные двери кабинета. Что она надеялась здесь найти? То, что объяснит его безрассудное стремление уничтожить богов? Или что-то еще?

Она медленно перебирала книги. Чего здесь только не было: и исторические хроники, и романы, и теория магии. Только Надя плохо разбиралась в магии крови, чтобы что-то узнать из них. Так что она просто теряла здесь время.

Но Париджахан уже открывала двери в его кабинет. Перешагнув через порог, она громко покашляла. Надя не собиралась тут же следовать за ней, но что-то будто потянуло ее туда. Из комнаты донесся шелест, когда Париджахан начала перебирать бумаги на его столе, а по Надиной спине пронесся холодок, заставляя вздрогнуть.

Магия.

Что-то, чего она уже давно не чувствовала.

– Что нашла? – громко спросила она, чувствуя, как в животе все перевернулось.

Что-то знакомое, но пугающее тянуло ее, зывало к ней, захлестывая волной ужаса.

– Похоже на какие-то заклинания, – не замечая окутавшие

го Надю беспокойства, ответила Париджахан.

Войдя в кабинет, Надя вздрогнула. Правая ладонь заняла от тупой боли, которая медленно расползалась по руке. На висках выступил пот. Ее бросило в жар, а через мгновение зазнобило, и она ощутила... ощутила...

Выхватив бумаги из рук акоййки, Надя стиснула их в кулаке. С ее губ срывалось тяжелое дыхание, а в голове билась мысль, что что-то не так. Будто внутри просыпалось что-то голодное, желающее причинить сильную, всепоглощающую боль, мечтающее поглотить все и вся, если его не остановить.

– Надя?

– Нет, – хлопнув ладонью по столу, решительно сказала она. – Магия так не действует.

Надя разложила перед собой на столе листы с заклинаниями. Ее сердце замерло при виде беспорядочных, едва разборчивых каракулей Малахии. Она не должна ощущать его силу, не должна чувствовать его. Ведь уже прошло столько времени. Надя не разучилась читать по-транавийски, но слова расплывались перед глазами. Лихорадочно перевернув еще несколько листов, она откопала несколько торопливо нацарапанных заметок и диаграмм под заклинаниями. А также множество непонятных ей приписок.

– Мне не следует находиться здесь, – прошептала Надя, чувствуя, как ужас сжимает когтями ее сердце.

Она подняла со стола страницу, нижняя часть которой загрубела и потемнела от крови. Но надписи в верхней части

все еще виднелись. Вот только Наде не хотелось верить своим глазам.

Это оказались заметки о калязинских чарах, дарованных богами. Ее богами. И о том, как эти чары могут соединяться с магией крови. Это не укладывалось в голове, но, судя по всему, что-то еще медленно видоизменялось, и это могло быть чем-то новым или союзом того и другого.

Серефин как-то упоминал, что нашел на поле боя транзильские книги заклинаний с приписанными к ним калязинскими молитвами. Подобное сочетание казалось невероятным. Так почему Малахия изучал это?

Но тут что-то откликнулось на другом конце связующей ее нити. Надя замерла. А затем почувствовала взгляд, которого раньше не ощущала. И силу, безумно темную и намного превосходящую ее собственную. Магию, которая не принадлежала ей и сейчас гудела в венах, желая дотянуться до того, кто действительно владел ею.

Ей не следовало красть силу Малахии.

Но ведь он наверняка знал, что произойдет, когда Надя провела лезвием по его ладони? Ведь он сам когда-то высказал эту идею – вернее, даже мысль вслух, в надежде посеять семена сомнения, – что она станет сильнее, если воспользуется его кровью. Это отвратительно и ужасно, но Малахия добился своего. Еще одно искажение истины, которое подтолкнуло ее помочь его непостижимым планам.

Надя зашла слишком далеко и пожертвовала всем, во

что верила, ради возможности изменить мир, но потерпела неудачу, и теперь ее наказывали молчанием.

Хватая ртом воздух, она прижала горящую руку к сердцу. Грязная сила видоизменилась, а нить превратилась в натянутую веревку.

«Мне не следовало приходить сюда».

Чудовище. Малахия. Надя попятилась, пытаясь противостоять силе, которая внезапно стала чересчур требовательной, взывающей и наполненной злом.

Она попыталась вздохнуть, и словно издалека донесся голос Париджахан, выкрикивающий ее имя, а затем Надино сознание оторвалось от реального мира, и она осторожно, самыми кончиками пальцев, коснулась черного стекла, отделявшего ее от Малахии.

«Это моя вина». В момент, когда она украла его силу и связала со своей, между ними что-то возникло. И это лишь усилилось и вызвало последствия. Боги, Надя чувствовала его. Он казался сломленным, а его жизненные силы подтачивались, как у скалы, на которую обрушиваются океанские волны.

Но вдруг – так же ясно, словно это происходило рядом с ней, – Надя услышала звук железных когтей, скоблящих по стеклу. Мучительный, въедливый визг, вонзающийся в уши словно иголки. Еще один. Еще. И еще. Чья-то ладонь шлепнула по стеклу, но тонкие пальцы заканчивались железными когтями, с которых капала кровь.

И это помогло Наде прийти в себя.

Она отшатнулась от стола и судорожно сглотнула, стараясь удержать в желудке последнюю трапезу. Ей до сих пор не верилось в то, что произошло. Да и как вообще это могло случиться?

Прошло несколько мучительных секунд, но извращенная связь больше не восстанавливалась, и ей больше не пришлось сталкиваться с бурлящим хаосом его безумия.

Вот только то, с чем она встретилась, не напоминало Ма-лахию. Его разумом все еще владело чудовище.

Может, оно падет от руки Нади?

Она перевела взгляд на Париджахан, которая с ужасом взидала на нее.

– Ну, – прохрипела Надя, – судя по всему, он все еще жив.

Сцена I

Черный стервятник

Голод не ослабевал, а его сущность не поддавалась. Получалось вызвать лишь жажду и нужду, пока наконец он не погрузился в полнейшее забытие и бесчувствие. Ни голода, ни бесконечной, непрерывной пустоты, сжимающей его сердце, ни постоянной угрозы полнейшей капитуляции.

Тьма стала его утешением. К тому же факелов здесь находилось немного, и их легко удавалось избегать. А еще желанным спасением стало то, что удавалось держаться вдали от любых источников света, которые напоминали ему о потерях. О чем-то мелькающем за пределами его сознания, сохраненном лишь в виде размытых образов. О чем-то, напоминающем трепещущие крылья маленькой птички, которая не собиралась сдаваться надвигающейся тьме.

Эти образы были такими манящими, что вызывали нестерпимое желание чуть подтолкнуть, усилить его безумие. Хотя невежество было слаще. К тому же он никогда не пытался вырваться из первых объятий тьмы.

Да, появлялись какие-то проблески, разочаровывающие поползновения, но их вызывал не он, а кто-то другой. Девушка с волосами цвета сверкающего снега и с бледными веснушками на коже. Упрямая и пылкая, что любит спорить и отстаивать свою позицию. Красивая, яркая и невероятно задумчивая. Он не знал, кто она такая, и это безумно расстраивало его.

Вечность, мгновение, само понятие времени стали чуждыми. Любые отвлекающие внимание проблески исчезли. Остался только голод, дикий голод. И ощущение, что тебя разобрали на части, а затем собрали снова, но ты все еще чувствуешь себя разорванным на куски. Видимо, преобразование – это непрерывный процесс.

А еще не покидало смутное ощущение, что необходимо что-то делать. Но пустота заволочла все, только она имела значение, так что остальное могло подождать. Пока тьма не станет чуть менее удушающей. Пока голод чуть не притупится. Пока мысли не выстроятся в ряд из бессвязных, разрозненных обрывков, которые скачут, трепещут и...

Трепещут.

Крылья.

Снова.

Маленькая птичка.

Он потянулся, но потерпел неудачу. Его рука наткнулась на что-то холодное, и он медленно и осторожно провел по преграде когтями. Раздался отчетливый, успокаивающий

звук.

Его руки покрывала кровь. Они всегда кровоточили. И за преградой что-то было. Крылья затрепетали вновь. Слишком быстро, слишком резко, слишком рано, слишком реалистично. За преградой что-то было. Воспоминание, разбитое, рассыпанное, мимолетное.

Потерянное.

3

Серефин Мелески

Своятова Елизавета Пиенткова: «Эту транавийку сожгли на месте захоронения клирика Евдокии Солодниковой. Говорят, там, где покоится ее тело, мертвые общаются с живыми».
Житие святых Васильева

Лишь преодолев половину лестницы в башню ведьмы, Серефин осознал, что собирался сделать. Вцепившись в перила, он задумался: «Стоит ли встречаться с ней одному?» Вот только поворачивать назад не имело смысла. Пелагея почувствовала, что он здесь, как только Серефин открыл двери башни.

Так что он устремился наверх, перепрыгивая через ступени. Его не радовало, что приходится обращаться к ведьме, но в этом ощущалась какая-то странная неизбежность. Ведь она сама направила его на этот путь, не так ли? Так что наверняка у нее найдется какой-нибудь пугающий, навеянный духами совет с предсказаниями об ужасной гибели, который он до конца не поймет.

Дверь на верхней площадке лестницы оказалась приоткрыта и легко распахнулась от стука костяшками пальцев.

«Что-то мне это не нравится», — нахмурившись, подумал Серефин. В воздух взмыл целый рой мотыльков, и он отмахнулся от них.

— Пелагея? — переступая порог, позвал он.

И тут же почувствовал, как свело живот. В комнате царило запустение.

Казалось, ведьма никогда здесь и не жила. Все углы украшала паутина. Камин оказался чисто выметенным, и лишь в трещинах камней виднелись остатки золы, а на светлом полу резко выделялся ведьминский круг. Серефин испуганно вздохнул, но быстро понял, что тот нарисован углем, а не кровью.

Он медленно двинулся по кругу, постукивая пальцами по корешку книги заклинаний.

Не это Серефин ожидал здесь найти.

Он опустился на колени и провел тыльной стороной пальца по бритве, вшитой в рукав, а затем пролистал книгу заклинаний. Зачем-то же Пелагея оставила это здесь. И хотя Серефин не умел читать знаки, нацарапанные внутри круга, — это прерогатива Стервятников, — он мог подпитать заклинание.

Но в последний момент помедлил. Он понимал, насколько глупый поступок собирался совершить. Будь здесь Кацпер или Остия, они скорее бы приставили клинок к его горлу, чем позволили подобное безрассудство.

Вот только Серефин уже давно перестал прислушивать-

ся к голосу разума. Не желая терять и секунды, он опустил окровавленную ладонь на круг. Его силы тут же устремились к руке. Под ней вспыхнул огонек, который, словно магический порох поджигающей пушки, расползся по каждой линии и каждому знаку, пока весь круг не загорелся странным, едким, зеленым огнем.

Но больше ничего не происходило.

Испытывая легкое разочарование вперемешку с облегчением, Серефин выпрямился. Это оказалась пустышка, которую ведьма оставила, чтобы поиграть с ним. Он стер носком ботинка одну из линий, осторожно прерывая поток силы, чтобы заклинание не вспыхнуло у него перед носом, и пламя тут же погасло.

– Знаешь, а я все гадала, кто же из вас двоих придет ко мне первым.

Серефин едва не подпрыгнул до потолка.

– Девушка-клирик, которая больше не является клириком, и ведьма, которая больше не ведьма. – Пелагея сидела посреди ведьминского круга и загибала костлявые пальцы. – Чудовище, сидящее на троне из позолоченных костей, которое тянется к небесам, хотя и сам не понимает зачем. Или принц, соприкоснувшийся с силой, в которую не верит.

Серефин прижал руку к книге заклинаний и медленно вздохнул, чтобы успокоить колотящееся в груди сердце.

– И как, угадала?

– Что?

– Что приду я?

– Нет. А где ведьма?

– Она не ведьма, она – клирик.

– Нельзя зваться клириком, если боги не разговаривают с тобой, – отмахнувшись от его слов, сказала Пелагея. – Хотя и ведьмой ее нельзя назвать. Отступившая от веры, но все еще святая. Головоломка. А ведь у нее много чего есть, и не только здесь. Даже я этого не ожидала. Но это так. Одна половинка из моей восхитительно-кроважадной и до умиления заблуждающейся пары магов крови.

Сузив глаза, Серефин обвел взглядом пустую комнату.

– Что здесь произошло?

Но стоило ему моргнуть, как комната заполнилась вещами. Ведьминский круг теперь выглядел так, будто нарисован не углем, а мелом. С потолка свисали оленьи черепа с рогами. И Серефин вдруг понял, что сидит на черном мягком кресле, а вокруг него нервно порхают мотыльки. Неудивительно, что у него закружилась голова от таких изменений.

– Где и что произошло? – поинтересовалась Пелагея.

Казалось, за миг она помолодела так, что стала выглядеть, как его ровесница. Ее черные кудри, не считая ослепительно-белой пряди, были зачесаны в узел на затылке.

– Ты что-то хотел узнать, – прощепетала она, взяла со столика, стоящего в углу, человеческий череп и опустила в кресло напротив Серефина, после чего положила череп себе на колени, лицом к нему.

– На самом деле мне уже пора, – ответил Серефин и попытался встать.

Но у него ничего не получилось, словно кресло поймало его в ловушку. Вспышка паники тут же пронзила его тело.

– Ох, – выдохнула Пелагея, постукивая себя по подбородку. – Ох, нет. Ко мне пришел один, а вскоре появится и другой. Мелески и Чехович, которые оказались друг другу ближе, чем они думали. Ближе, чем говорят все обманщики. Он появится очень скоро, и тогда наконец-то я смогу пообщаться с ведьмой-клириком, которая не является ни ведьмой, ни клириком.

– При чем тут Малахия?

Пелагея склонилась над черепом.

– При всем, дорогой принц.

– Король, – пробормотал Серефин.

– Что?

– Теперь я король, – повторил он и провел пальцами по ковanej железной короне, прятavшейся в его волосах.

Серефину все еще казалось, что произошла какая-то ошибка и он получил то, что ему никогда не принадлежало. Что в это никто по-настоящему и не верит. Поэтому единственным желанием его было доказать, что трон принадлежит ему по праву, даже если придется доказывать это самому себе вместе со своим величием.

Пелагея кивнула, но его слова не убедили ее. А еще нервировал ее пристальный взгляд, прикованный к его левому

глазу. Серефин неосознанно потянулся к нему рукой.

«Она знает».

Ему пришлось прикусить губу, чтобы не вскрикнуть от ее пронзительного голоса:

– Черный, золотой, красный и серый. Стервятники, мо-
тыльки и кровь, много крови. Мальчик, рожденный в позо-
лоченном зале, и мальчик, рожденный во тьме. Воспитанный
в горечи и лжи. Меняй место жительства, меняй имя. Только
это не поможет. Зеркало видит все. Одинаковая кровь, прав-
да, одним чуть сильнее владеет тьма, но стоит посмотреть в
зеркало, как ты увидишь себя и того, кем боишься стать. Два
трона, два короля, два парня, которые заволокут этот мир
тьмой ради его спасения.

По коже Серефина поползли мурашки. Он уже пожалел,
что пришел сюда один, что не может ощутить на плече руку
Кацпера и отвлечься от бреда ведьмы.

– О чем ты говоришь? – тихо спросил он.

– Спрячься и забудь. Спрячься и помни. Ты прячешься от
правды, купаясь во лжи семьи, которая не сказала и слова
правды. Он прячется за магией, которая выжгла воспомина-
ния о том, кем он был раньше. Но однажды они оба вспом-
нят. И к чему это приведет?

– Что вспомнят? – выдавил Серефин, чувствуя, что нервы
натянулись до предела.

Пелагея смотрела вдаль, поглаживая бледными пальцами
кости черепа.

– Рассказать тебе сказку, дорогой король мотыльков, король крови и король кошмаров?

– Да, – слово шепотом сорвалось с его губ прежде, чем Серефин успел себя остановить.

Он вздрогнул, отчаянно желая убежать отсюда и не слушать откровения, которые вот-вот обрушатся на него.

– Эта сказка о двух сестрах из озерного края. О девушке, которая вышла замуж за принца, которого не любила. А он впоследствии стал королем, которого она уже ненавидела. Девушка превратилась в женщину, родив сына. И хотя она его не понимала, но все равно любила. Только этого ей было недостаточно. Тогда она стала искать, с кем забыться вдали от ненавистного мужа. И от этой тайной страсти, во лжи и во тьме родился второй сын.

– Нет... – пробормотал он, качая головой. – Нет.

Казалось, стены начали смыкаться вокруг, а перед глазами поплыли черные точки.

– У транавийцев это так легко выходит! – радостно воскликнула Пелагея. – О нет, нет. Вы ошиблись, этот мальчик рожден не женщиной, а ее сестрой! Если спрятать его за искаженной правдой, то никто ничего не заподозрит! А если отослать его в орден, управляющий Транавией, никто и не вспомнит этого ненужного славку! Стоит сжечь его кости и раздробить тело, и уже не будет иметь значения, кем он рожден. Создай оружие. Создай короля.

«Это ложь», – возникла отчаянная мысль в голове у Се-

рефина. Но он знал – каким-то непостижимым образом, той частичкой души, в которой сохранился образ Малахии, – что это правда. И может, именно поэтому он ощутил такую боль, когда Малахия переступил порог комнаты Пелагеи и в его острозубой улыбке не появилось и намек на узнавание.

– Где твой брат, дорогой король? Куда пропал Черный Стервятник?

Слово «брат» выбило воздух из легких Серефина, словно удар в грудь.

– Откуда ты знаешь? – выдавил он.

Пелагея захихикала.

– Ты спрашиваешь так, словно сомневаешься в моих словах. Но ты и сам знаешь, что в вас течет одна кровь.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

Почему сейчас? Когда в нем бурлит кипящая ненависть к Черному Стервятнику, потому что из-за него он погиб. Из-за Малахии. Из-за своего брата.

– А кто еще тебе об этом расскажет? – поинтересовалась она. – Уж точно не твоя мать.

Серефин вздрогнул. Как много его мать знала о судьбе Малахии? Как такое вообще возможно?

Черные, как капли смолы, глаза Пелагеи следили за мотыльками, порхавшими вокруг головы Серефина.

– Это интересное развитие событий, – продолжила она. – Он уже разговаривал с тобой? Не сомневаюсь, что пытался. Но ты же транавиец, и тебя трудно сломить, а значит, слышал

лишь шепот. Не тебя он хотел.

Пелагея склонила голову набок и, встав, подошла к тяжелым шторам, благодаря которым комната погрузилась в темноту. Она развела их в стороны, заливая помещение ослепительным светом.

– Тени ползут из тьмы, а возмездие приходит с небес, – прошептала она. – У тебя еще есть время, но оно быстро ускользнет. Слишком быстро. Все придет в движение, и лишь тогда ты поймешь, сможешь ли выстоять или упадешь.

Почувствовав, что может шевелиться вновь, Серефин с трудом поднялся на ноги. Он услышал больше, чем хотел. Но его не волновало, хотела ли она сказать что-то еще. Пелагея отвернулась от окна, и на ее лице появилась усмешка.

Потому что он уже бежал из ее башни прочь.

Серефин неся к покоям матери, не обращая внимания на протесты служанки.

– Я ее сын, – огрызнулся он, когда та увязалась за ним, что-то бормоча о приличиях.

Отыскав мать в гостиной, он так сильно хлопнул дверью перед носом служанки, что стоящая рядом стеклянная ваза покачнулась.

Клариса оторвалась от книги и многозначительно посмотрела на дверь, а затем на вазу.

– Когда ты собиралась мне все рассказать? – сказал Серефин, к собственному удивлению, невероятно спокойным

тоном.

– О чем именно, мой дорогой? – поинтересовалась она, не обращая внимания на его взвинченное состояние.

Клариса сняла с лица матерчатую маску и, взмахнув рукой, подозвала его ближе. Но Серефин даже не шелохнулся. Он едва сдерживался, чтобы не взять проклятую вазу и не швырнуть ее об стену.

– Ты знала, что творил мой отец, – медленно, подбирая слова, произнес он. – Ты предупреждала меня об этом, потому что знала с самого начала.

Ее бледно-голубые глаза сузились, и Серефин вдруг невольно отметил, что им с Малахией достались ее глаза.

– Но ты остановил его, – спокойно сказала она, вновь надевая маску. – Корона теперь твоя.

– И ты знала, что ему помогали Стервятники.

– Да.

– И знала, кто из Стервятников стоит за этим.

Его мать слегка нахмурилась.

– Черный Стервятник.

– Как ты можешь не знать, кто он? – спросил Серефин, и в его голосе наконец послышались эмоции.

Он поднял руки и зарылся пальцами в волосы. Несколько месяцев он упорно скрывал информацию о Малахии, но и сам понимал, что в конце концов ему придется столкнуться с Черным Стервятником. Серефину придется заставить его ответить за предательство.

Вот только сейчас он запутался и не понимал, что ему делать дальше.

– О чем ты, Серефин?

– Ведьма все рассказала мне, – произнес он с нотками паники в голосе. – А у тебя даже не хватило порядочности сделать это. Ты знала, кем он станет, когда отправляла его к Стервятникам?

Эти слова заставили Кларису напрячься.

– Что?

– Тебя же никогда здесь не было. Конечно, ты не знала. Конечно, ты не видела его даже мельком, но ты могла хотя бы сказать об этом мне. Он находился здесь, так близко, все это время, а я ничего не знал.

Ее лицо побледнело.

Серефин рухнул в кресло и уткнулся лицом в ладони.

– Пелагея рассказала тебе? – холодно произнесла его мать, а напряжение повисло в комнате.

Он кивнул, не поднимая головы.

– Мальчик должен был остаться с Сильвией, – прошептала Клариса. – Бастарду не место при дворе, к тому же вокруг бродило слишком много подозрительных слухов.

– Я считал его просто кузеном, – сказал Серефин. – А ты позволила Стервятникам завладеть им.

– Не будь таким сентиментальным, Серефин, тебе это ужасно не идет. Он был слишком силен, чтобы стать кем-то еще.

– Зато теперь он стал Черным Стервятником и вступил в сговор с моим отцом, чтобы убить меня. Поэтому, полагаю, ты права.

Клариса открыла рот от шока, а ее лицо побледнело еще сильнее.

– Ты ошибаешься.

– Уверяю тебя, мама, не ошибаюсь. Мой младший брат предал меня, а я ничего не могу с этим поделать, потому что он занимает один из высших постов в Транавии. К тому же нет ни одного законодательного акта для подобных случаев, потому что ни один из Стервятников не наглед так сильно.

Некоторые осмеливались противостоять короне, потому что не всем Стервятникам нравились застенки собора и пещер. Но никто еще не заходил так далеко, как Малахия.

Она так резко вскинула руку ко рту, что Серефин на мгновение подумал, что у нее случится один из многочисленных припадков. Честно говоря, его удивляло, что она так долго пробыла в Гражике, ведь магический остаток в воздухе всегда плохо на ней сказывался.

– Слухи...

– На то они и слухи. Произошедшее было намного хуже.

Серефин вздохнул и откинул голову на спинку кресла. Потолок гостиной его матери был украшен яркими цветами, а среди них виднелись магические символы здоровья. И никаких Стервятников вокруг.

– Я думала, что он умер много лет назад. И почти жалею,

что это оказалось не так.

«Потому что его судьба теперь в моих руках».

– Серефин...

– Мне не нужны твои оправдания, мама. Я понимаю, что тебя заботили лишь приличия. Да и как ты могла догадаться, что твой незаконнорожденный сын вырастет таким порочным и бездушным? Ох, подождите, такими же становятся все Стервятники, верно?

Клариса отшатнулась, будто ее ударили. А у Серефина пропал запал.

Эти откровения ничего не изменяют. Малахии придется ответить за свои поступки.

– Два трона, и на них сидят два испорченных брата, – пробормотал он. – Хотя, думаю, скоро это изменится.

Он стянул с головы корону и провел большим пальцем по холодному железу.

Его мать расслабилась и, положив трясущиеся руки на колени, чтобы слегка успокоить их дрожь, с радостью ухватилась за новую тему разговора.

– Среди славков есть те, кто не хочет меня видеть на троне, – сказал Серефин. – И я не знаю, как мне быть.

Встав, Клариса пристегнула книгу заклинаний к поясу и быстро пересекла комнату, чтобы положить руки на плечи сыну.

– Ты прекрасно знаешь, что делать. Заставь их пожалеть о том, что их тихие шепотки достигли твоих ушей. – Она при-

подняла подбородок Серефина. – Ты наш король. Неужели ты думаешь, что у твоего отца не было врагов, которые собирались каждую ночь и обсуждали его свержение?

– Я был одним из этих врагов, – устало заметил он.

Мать поцеловала его в макушку.

– Ты сделал то, что должен был сделать.

– Вот как ты оправдываешь себя за то, что случилось с Малахией?

Она вздохнула.

– Если бы могла оставить его рядом с собой, то так и сделала бы. Только благодаря вам двоим я могла выносить нахождение в этом дворце. – Клариса пригладила его волосы и притянула к себе. – Я ничего не сказала тебе, потому что ты бы попытался вытащить его из ордена. Ты такой упрямец, Серефин, но мы не должны вмешиваться в дела Стервятников.

Он вздрогнул, когда ее ногти слегка впились в кожу его головы.

– Предательство – другое дело, – задумчиво продолжила Клариса. – Каким бы поэтичным мне ни казалось то, что мои сыновья владеют обоими тронами Транавии, предательство допускать нельзя. Но давай сначала разберемся со славками?

Тревога Серефина сменилась разочарованием, когда он обнаружил в коридоре Остию. Схватив ее за руку и не обратив внимания на удивленный вскрик, он потащил ее в свои

покои и захлопнул двери.

– Ты знала о Малахии, – сказал он с обвиняющими нотками в голосе, хотя и собирался оставаться спокойным.

– Что?

– Ты знала. Все это время ты знала, что именно он занимает пост Черного Стервятника.

Она закатила глаза.

– Неужели это так важно сейчас? Я не стала ничего говорить, потому что решила, что это не имеет значения.

– Я думал, что он умер. Еще несколько лет назад. И ты не спешила разубедить меня в этом.

– Да ты вполне можешь считать, что он умер! – язвительно воскликнула она. – В чем дело, Серефин?

На мгновение он задумался, а не сказать ли ей правду. Или Остия знала и это? Что еще она скрывала от него «ради его же блага»?

– Я узнала это несколько лет назад, – со стоном призналась она. – Увидела его без маски. Я знаю, что вы были близки, но он... – Остия замолчала и покачала головой. – Отвратительный. Мне не хотелось разбивать тебе сердце, когда ты наконец пережил его потерю.

– Ты не должна была скрывать это от меня, – возразил Серефин.

Остия пожала плечами, явно не понимая, из-за чего он так злится.

– К чему сейчас этот разговор?

Серефин покачал головой и отмахнулся от нее. Эта ситуация станет точкой раздора между ними, и он не собирался успокаиваться.

– Не важно, – пробормотал он, еще больше злясь из-за того, что все скрывали от него правду. – Это неважно. Мне пора на ужин.

– Нет уж, только не в таком виде. – Остия ухватила его за запястье и дернула назад. – Сначала приведи себя в порядок. Не давай им лишних поводов для злословия.

Стиснув зубы, Серефин провел рукой по подбородку. Да, ему бы не мешало побриться.

Если о поступке Малахии станет известно... Да уж, теперь Серефин вступал на зыбкую почву. Он не мог свалить смерть отца на Стервятника, хотя ему очень этого хотелось. Простой народ и славки так сильно боготворили Стервятников, что грозили устроить гражданскую войну, если что-то угрожало их правлению.

Скорее всего, Малахия знал о неприкосновенности, которую даровала ему его должность, но предательство есть предательство.

Остия подозвала слугу и принялась ждать, пока Серефин не примет более презентабельный вид.

– Нам нужно найти Жанету, – сказал он, потянувшись за бритвой, и тут же получил по руке от своего слуги Сирила.

Вздыхнув, Серефин позволил усадить себя на табурет. А Остия с задумчивым видом примостилась на угол туалетного

столика.

– Вероятнее всего, она в Кьетри...

Он невольно вздрогнул, чем заслужил сердитый взгляд от Сирила. Но сейчас Серефину предстояло разыграть партию так, чтобы это как можно лучше дошло до славов, – с позиции силы. И Жанета была его козырной картой в рукаве, которую жаждали заполучить те, кто хотел свергнуть его. Но проблемой становилось то, что его мать просила оставить Малахию в покое и для начала разобраться с заговорщиками.

А Серефин вполне мог убить двух зайцев одним выстрелом.

– Я могу вас подстричь, Ваше величество? – спросил Сирил. – Пока есть время...

Серефин неопределенно махнул рукой.

– Наконец-то, – пробормотала Остия.

Кто бы говорил. Она сама подстригала себе челку, и та всегда выглядела кривой.

– Слишком рискованно покидать Гражик, – сказала Остия. – Нужно придумать, как отыскать ее, не уезжая из города.

Серефин нахмурился.

– А если не получится? – задумчиво произнес он.

– То они лишат тебя всего.

На каждом шагу Серефину встречались славки из низших

родов, прибывшие из всех уголков Транавии в надежде привлечь внимание молодого короля.

И это ужасно утомляло.

Предполагалось, что ужин пройдет в узком кругу, но все равно здесь находилось слишком много людей, которые лебезили перед Серефином. Эх, если бы он хоть немного умел поддерживать разговор. Но его обуревало лишь одно желание – скрыться подальше отсюда.

Комнату освещало бесчисленное количество свечей, расставленных на столе. А вдоль стен горели масляные светильники, заливая помещение дрожащим и мерцающим светом. Серефин взглянул на потолок, и ему показалось, что он уже где-то видел битву между медведями и орлами, изображенную на нем. Но не в виде картины, а будто во сне.

Славкой, занявшим стул рядом с его местом за столом, оказался Патрик Руминский, и Серефин едва подавил вздох разочарования, когда переступил порог. Этот вечер продлится вечно.

По пути к его месту внимание Серефина привлекла взвинченная и явно напряженная Надя. Маски, так пугающие его, все еще не вышли из моды, но Надя прикрывала глаза лишь полоской белого кружева. Она бросила на него полный сочувствия взгляд, а затем повернулась к человеку, сидящему справа от нее.

Скользнув взглядом к ее собеседнице, он тут же узнал эту копну черных волос и темно-синие глаза, которые следили за

происходящим вокруг из-под железной маски, закрывавшей три четверти лица.

Стервятница. Вторая по старшинству в ордене, представители которого не появлялись во дворце уже несколько месяцев. Серефин быстро оглядел комнату, но не увидел других Стервятников.

Надя приподняла руку и жестом попросила Серефина подойти к ней.

Пренебречь ксеши Руминским и сперва подойти к девушке, которая намного ниже его по положению, но разговаривающей со Стервятницей? Или весь вечер мучиться от предположений, что же здесь делала служительница ордена?

Серефин выбрал компромиссный вариант. И более дипломатичный.

Он поздоровался с Руминским и незнакомым парнем, что занял место по другую руку от места Серефина, а затем двинулся к Наде, прекрасно понимая, что это она должна подходить к нему. Ведь это его голову украшала корона. А значит, его поступок нарушал все возможные протоколы.

– Теперь мне придется выслушать множество нотаций, – сказал Серефин, положив руку на стул Нади и склонившись над ней.

– А мне казалось, что любые разговоры с тем, кто планирует тебя свергнуть, просто бессмысленны, – тихо парировала она.

– Да, но... – Он замолк, осознав, насколько бесполезно

разговаривать с ней на эту тему.

Надя указала на Стервятницу и уже открыла рот, но Серефин перебил ее:

– Мы уже встречались. Передайте от меня привет его превосходительству.

Стервятница фыркнула.

– Что-то мне подсказывает, что он это не оценит. Меня зовут Живия. И вы правы, мы уже встречались.

Серефин почувствовал, как по телу расползается озноб. Стервятники редко кому говорили свои имена. Надя же смотрела на Живию с осторожным любопытством.

– Так зачем вы здесь? – поинтересовался он, а затем бросил взгляд на Надин бокал. Ему сейчас очень хотелось выпить. – Это он тебя послал?

– Нам потребовалось некоторое время, чтобы навести порядок в ордене. И теперь нам интересно, что же произошло здесь за время нашего отсутствия.

Желудок Серефина сжимался каждый раз, когда она проносила «нам». Но он сомневался, что Малахия заявился сюда. А еще заметил, как Надя, которая до этого просто поигрывала со столовым ножом, сейчас сжимала его так, словно собиралась зарезать кого-то даже таким тупым лезвием. И при этом она выглядела настолько спокойной, словно каждый день сталкивалась с представителями высшего эшелона самого кровавого культа Транавии.

«Ну, наверное, так и есть», – подумал Серефин.

– Кто же объявил, что именно он руководит Стервятниками? – спросила Живия. – Хотя это не имеет значения, пусть и дальше верят в это.

С тех пор как Серефину на голову возложили корону, он каждый день встречался со Стервятниками, которые утверждали, что именно они управляют орденом в отсутствие Черного Стервятника. И все они затем пропадали из дворца.

– Это единственная причина, почему вы решили посетить ужин?

Живия покачала головой.

– Мы обсудим это позже, Ваше Величество. Я здесь в качестве посланника.

Серефин кивнул и, выпрямившись, направился на свое место. Но по пути он все же обернулся и взглянул на Надю.

Ее рука все так же сжимала нож.

Надежда Лаптева

Своятова Лизавета Жилова: «Когда Лизавета была еще ребенком, транавийский маг крови Петр Сысло сжег ее деревню дотла. Чуть позже она воспользовалась дарованным ей благословением богини Маржени, выследила мага и скормила его глаза волку, который всегда следовал за ней по пятам».

Житие святых Васильева

– Твоя легенда не очень оригинальна, – потянувшись за бокалом вина, отметила Стервятница.

От этого замечания нервы Нади натянулись до предела. Она взяла вилку, воткнула ее в гриб, присыпанный укропом, и, дожидая пищи, ответила:

– Не понимаю, о чем ты.

Живия покосилась на нее, а затем стянула маску с лица. С другого конца стола тут же донеслось несколько шокированных охов.

Надя и не ожидала, что Стервятница окажется настолько милой. У нее были тонкие черты лица и гладкая кожа, но от подбородка к шее спускалось несколько вытатуированных кругов.

– У Малахии нет от меня секретов, дорогая.

– А уверял, что на нашей стороне, – пробормотала Надя.

– Меня удивило, как далеко тебе удалось зайти, ведь славки даже и не подумали покопаться в твоей легенде. Даже мне понравилась эта история, хоть и показалась немного мрачноватой.

– Ее придумал Малахия, – сказала Надя.

Какой смысл отнекиваться, если Стервятница знала, что она калязинка. Если не учитывать, что они находились на обеде во дворце и к ним прислушивались десятки людей.

– Этот парень никогда не перестает меня удивлять. Но твоя новая легенда намного лучше... да и время как раз подходящее...

Сузив глаза, Надя посмотрела на нее.

– Ты явно пришла не для того, чтобы предостеречь меня. Живия пожала плечами.

– Нет. Хочу ли я защитить Транавию? Да. Но до тебя мне нет никакого дела. – Она подняла руку и накрутила прядь черных волос на указательный палец. – Хотя я бы на твоём месте уже начала волноваться. Я провела во дворце всего день, но уже слышала слухи, гуляющие между славками, и в них постоянно упоминается приближенная к королю дворянка, о которой никто ничего не знает, как и о ее родителях.

Надя с трудом сглотнула.

– Я знаю, что произошло, – продолжила она.

«Конечно, ведь у Малахии нет от тебя секретов, – поду-

мала Надя. – Это только мне он постоянно врал».

– И что же?

– А то, что слухи, гуляющие по дворцу, невероятно близки к некоему подобию истины.

От этого известия Надя побледнела. Ей так долго удавалось избегать пристального внимания лишь потому, что ни одной дворцовой сплетнице не пришла бы в голову такая невероятная правда.

Паника тут же сдавила обручем грудь. Надя бросила взгляд на другой конец стола, где сидел Серефин. Он с несчастным видом сидел рядом с человеком, который пытался отобрать у него трон.

Она понимала, что ее легенда не продержится долго. В ней виднелись явные дыры и пробелы, которые основывались на поддельных документах. И это все не привлекло внимания лишь потому, что все вокруг находились в сильном потрясении, чтобы ясно мыслить.

– Как думаешь, когда придворные наконец ополчатся против тебя, король встанет на твою защиту? – поинтересовалась Живия.

Наде захотелось поскорее уйти отсюда.

– Ты выполнила свое предназначение, дорогая, – со сладкой улыбкой продолжила Стервятница. – Сделала то, что от тебя требовалось, и вернула Черного Стервятника туда, где ему самое место. И теперь тебе пора уходить. Считай это бескорыстным советом.

Атмосфера между ними ощутило похолодела, а в ее голове слышалась злоба. Надя несколько раз постучала большим пальцем по столовому ножу. Увидев это, Живия улыбнулась еще шире.

– Думаю, осталось всего несколько дней до того, как славки упекут тебя в тюрьму или, если все сложится не в твою пользу, повесят. Я бы на твоём месте бежала отсюда со всех ног, *towy dżimyka*.

– Не называй меня так, – огрызнулась Надя, а затем отодвинула стул и вышла из комнаты.

Шагая по коридорам дворца, Надя сдернула с глаз кружево, жалея, что не может вдобавок сорвать и наряд. Ей хотелось убраться отсюда и оказаться где-нибудь в другом месте. Дома. Вот только она уже и сама не знала, где находится ее дом. Она не могла вернуться в монастырь. И боги больше не руководили ее действиями.

– Это несправедливо, – пробормотала она, засовывая руку в карман, чтобы достать четки, которые ей наконец удалось отыскать.

Они лежали на столике у кровати Малахии рядом с его железной маской и тоненькой книжкой. Надя прихватила и ее, но пока еще не заглядывала под обложку. Конечно же, четки все это время находились у него, наверное, чтобы было гораздо легче заработать ее доверие и убедить, что еретическое использование магии было просто необходимо.

Надя надела их на шею и, проведя рукой по бусинам, про-

должила путь к своему новому укрытию. Бесцельно бродя по Гражику, она открыла для себя несколько тайных мест Транавии. В самом дальнем углу восточного крыла, где полы покрывали грубо стесанные доски, а в коридорах редко появлялись слуги, находилась старая дверь. На потемневшем от времени и пыли дереве виднелись с трудом различаемые символы.

Она толкнула дверь и вошла в пустой зал, от которого веяло опустошением. Оно оказалось настолько созвучным ей, что Надя вздрогнула. В комнате царила темнота, и ей с трудом удалось подавить инстинктивное желание потянуться к четкам и попросить благословения на заклинание света. Вместо этого она вытащила из кармана свечу, найденную во время своих полуночных прогулок, о которых Серефин никогда не узнает, и зажгла ее. Маленький огонек осветил старую, заброшенную часовню. Надя медленно повернулась, рассматривая на стенах нарисованные иконы святых и символы богов. Некоторые оказались ей хорошо знакомы, но встречались и те, что она не узнавала.

Надя прошла мимо скамеек, покрытых таким толстым слоем пыли, что это напоминало ворс обивки. В передней части часовни находился богато украшенный алтарь с вырезанными на нем незнакомыми символами. Она провела в этом месте множество часов, и, хотя так и не получила ответа от богов, не планировала останавливаться. А собиралась молиться и дальше. Пытаться снова и снова достучаться до

своей богини.

Обмотав четки вокруг ладони, она провела большим пальцем по гладким бусинам с изображением символов богов.

«Мне неизвестно, что грядет в будущем», – начала Надя молитву, как делала это уже тысячи раз. Ее палец застыл на бусине с изображением черепа. Знаке Маржени. Богини льда, зимы и чар. А еще смерти. Неминуемой смерти.

Надю выбрали в роли орудия тех, кто превышает всех на земле.

Но она игнорировала призывы своей богини, когда Маржени требовала убить Малахию. Она сбилась с пути и оказалась привязана к чудовищу. Так что неудивительно, что боги перестали разговаривать с ней.

Но больше всего ее пугало опустошение. Чувство, будто что-то теплое и живое, что всегда жило внутри, вдруг исчезло.

«Я приняла неверное решение. Выбрала легкий путь, а мне следовало сражаться. Следовало...» – Надя запнулась. Ей следовало отнять жизнь у Малахии. Но даже сейчас она хотела вернуть транавийского парня, а не убивать чудовище. Какая ересь.

«Я знаю, что мне следовало сделать. И ошибки, совершенные мной, непростительны. Но прошу, не отрекайтесь от меня».

Надя не ждала ответа. Однако молчание отдалось болью в сердце. Это не казалось стуком в закрытую дверь, как ощу-

щалось раньше, скорее больше походило на молитву, посланную в пустоту, туда, где ее никто не слышал.

Где ее не слушала Маржениа.

Надев четки на шею, Надя вытерла слезы. Она просила практически невозможного, и это съедало ее, лишало всех других мыслей, чувств. Теперь она думала лишь о том, что потерпела неудачу и лишилась всего. Знакомые ей чары исчезли. Надя стала простой крестьянкой, убившей короля. За что ее и повесят.

И сейчас ее охватила злость.

– Я уже несколько месяцев копаюсь в книгах и молюсь отыскать выход, – хрипло прошептала она. – Но ничего не нашла. Мне нужна твоя помощь! Почему вы сначала относились ко мне как к надежде Калязина, а в следующую секунду забыли обо мне, как о надоедливой букашке?

Все, что ей удалось найти, это упоминания о клирике, который обращался к богам за благословением и сам управлял им. Но это не укладывалось в голове. К тому же в голове Нади то и дело всплывали сны о чудовищах, оказавшихся не просто чудовищами.

Ей требовались ответы, но, судя по всему, ей не получить их. Так что не было смысла торчать здесь.

Не было смысла...

Надя подняла голову и замерла. Воздух вокруг сгустился от его силы.

– Ни одно из этих слов не предназначалось тебе, – резко,

словно кинжал, бросила Надя на транавийском языке. Она не собиралась с кем-то делиться своими трудностями. Особенно с ним.

Безумие клубилось, бурлило и кружило вокруг нее словно хищник, заставляя дыхание учащаться, а сердце биться с утроенной скоростью.

Стоящая на скамье рядом с Надей свеча замерцала. Ей показалось, что кто-то сел рядом с ней, но, когда она повернула голову, там никого не оказалось. И лишь краем глаза удалось уловить какое-то движение.

Ей не хотелось этой встречи. Прошло еще слишком мало времени – хоть и казалось, что вечность, – и она не представляла, как вынесет его близость. Но уже ощущала хаотично изменяющуюся суть чудовища.

Ей хотелось почувствовать ужас, гнев, отвращение – да что угодно, если это оттолкнет его.

Но превыше всего этого стало любопытство.

«Ты можешь говорить?»

Может, им сейчас полностью управляло безумие.

Вдруг она почувствовала, как из маленьких искорок разгорается огонь ясности.

«*Tak*», – ответил он.

Одно слово, одно тихое «да», произнесенное холодным и резким, словно осколок льда, голосом.

«*Ты всегда рядом, маленькая птичка, – медленно продолжил он. – Порхаешь вокруг, но тебя не удается поймать. Я*

*пытаюсь прогнать тебя, но ты появляешься снова. Надо-
едаю, отвлекая и беспрестанно, непрерывно порхая».*

Сейчас его голос звучал тихо и ласково, так напоминая Малахию, но к нему примешивался и хаос.

Как только Надя почувствовала себя хуже некуда, он оказался здесь, чтобы напомнить, что она потерпела неудачу. Что не смогла догадаться о его планах, даже когда он в открытую сказал, что ему нельзя доверять.

Шрам на ладони вновь начал зудеть, а сердце болезненно сжалось. Всего этого не должно было произойти.

И она все еще помнила, как блестели его глаза, когда он улетал из часовни, теряя остатки человечности. Он не знал ее. Да и она не знала его.

За четыре месяца оказалось легко лишиться последних заблуждений. И все это долгое время Надя жила в окружении теней прошлого, напоминающих о том, что она не разглядела и не смогла остановить. Все это долгое время она прожила в тишине.

Надя вздохнула.

«И что тебе даст моя поимка? Неужели тебе так нравится полнейшее, абсолютное одиночество?»

«У птиц такие тонкие кости, и их так легко сломать», — услышала она в ответ.

«Тогда тебе действительно лучше затеряться в тенях и наслаждаться одиночеством, ломая всех и вся, кто попытается приблизиться к тебе. Что за печальная участь. Что за жалкое

создание».

Какая печальная участь постигла парня, который завоевал ее сердце своей неистовой преданностью друзьям. Надя не сомневалась, что эти чувства были истинными. Париджахан и Рашид не были пешками в затеянной им грандиозной игре. Возможно, Малахия заслужил осуждение за то, что скрывал безумие, но при этом он оставался таким одиноким, что это разрывало сердце.

Связывающая их нить натянулась, пока он выискивал какие-то слабости. И Наде оставалось лишь надеяться, что он их не найдет.

«Конечно же, ты можешь все сломать. Ты ведь очень могущественен, да? Ведь в тебе таятся темные божественные силы, верно?» – Она подстрекала его, желая вновь услышать вкрадчивый, искаженный голос.

«Кто ты?» – прозвучало в ответ.

И хотя Надя ожидала этого вопроса, стоило его услышать, и в груди разлилась боль.

«Это не имеет значения», – выдавила она.

Искорки замерцали вновь от неумного любопытства. Но затем он небрежно отмахнулся от нее, как от пустого места. Конечно, теперь она не обладала чарами, которые могли бы его удивить. Она стала обычной и совершенно не интересной калезинской крестьянкой.

От осознания этого Надю пронзила боль, но она не стала обращать на нее внимания.

«Проклятый парень. Конечно, ты с легкостью можешь игнорировать одну раздражающую маленькую птичку».

Надя резко оборвала связь. Хотя и понимала, что ненадолго. Он вернется. Может, он все еще находился здесь, хотя его зловещее присутствие медленно рассеивалось, возвращая возможность дышать.

Вот только трещина в ее сердце стала еще глубже.

Она понимала, что побег из часовни приравнивается к признанию ее поражения. Но разве можно шутить подобными вещами? Надя никому не могла помочь. На ходу потирая шрам на ладони, она желала только одного: чтобы все это закончилось.

Сцена II

Малахия Чехович

– Глупый мальчишка, я не стану разговаривать с тобой в таком состоянии. Приходи уже в себя.

Малахия ахнул, когда резко вернулся в сознание, словно его окатили водой.

– Ну наконец-то. Это оказалось не так уж и трудно.

Пытаясь совладать с головной болью и закутавшим мысли туманом, он сглотнул и ощутил привкус крови во рту. Он не понимал, где находился... нет, подождите-ка. Башня ведьмы. Как он здесь оказался?

Проведя рукой по слезившимся глазам, Малахия увидел перед собой Пелагею с кривой усмешкой на лице.

– Ты должен был появиться первым, Chelvyanik Sterevyani. Из-за тебя я проиграла пари и не очень довольна этим.

Его сердце гроыхало в груди, но он старался не поддаваться панике и пытался вспомнить хоть что-то. Но ничего

не получалось.

– Я уже спрашивала тебя, стоит ли оно того, – задумчиво произнесла она. – И спрошу еще раз. А ты, будь добр, ответь, почему здесь.

«Почему я здесь?»

Мерцающий огонек освещал комнату жутковатым зеленым светом. Это место выглядело не так, как раньше. На стенах висели черепа существ, как реальных, так и чудовищ. А с потолка взирал череп с таким количеством рогов, что ему позавидовал бы даже олень. Малахия моргнул. У черепа и глазниц оказалось намного больше двух.

– Вы меня спрашивали? – Его голос прозвучал тише, чем ему бы хотелось.

Перед глазами все расплывалось, будто он пробирался сквозь туман. Малахия потерял виски. Почему не получалось ничего вспомнить?

В голове мелькали какие-то обрывки, разрозненные кусочки. Но все они были неясными и запутанными. Ему удалось ухватиться лишь за одно воспоминание: Пелагея задала ему этот же вопрос, а Надя, нахмурившись, пыталась разобраться в вятчинском диалекте, что не получалось сделать с ее уровнем транавийского.

Надя.

Проклятье.

Седые кудри ведьма стянула в узел, отчего виднелись все морщинки на ее лице. А на шее висело ожерелье из зубов,

которые клацали при каждом шаге. Неужели это ее башня? Или они находились где-то в другом месте?

– Да, дорогой мальчик, могу сказать, что твой ответ прозвучал очень уверенно, хотя мне и показалось, что ты немного колебался, давая его. Так стоило ли оно того?

– Да, – твердо ответил Малахия.

Пелагея, не мигая, уставилась на него. И он замер под тяжестью ее пристального взгляда.

– Ты выглядишь по-другому, – вдруг бросила она.

Ему не хотелось знать, что это означало. Но он и сам видел железные когти на своих пальцах. Малахия поднял руку. Под ногтями скопилась свежая кровь.

– Какое имя ты сейчас носишь, sterevyani bolen?

Он покачал головой и нахмурился.

– Меня зовут...

– Даже не пытайся, – тихо сказала ведьма. – Если ты и вспомнишь имя, то лишь на незначительную секунду.

– Малахия, – твердо ответил он. – Меня зовут Малахия Чехович.

На ее лице появилась печальная улыбка, которая всколыхнула в его груди гнев. Как она смела притворяться, что его выбор не имел для нее значения?

– Глупый мальчишка, – пробормотала Пелагея. – Зачем ты пришел ко мне?

Малахия закрыл глаза, чувствуя, как по телу расползается дрожь от ужаса. Ему следовало уйти отсюда. Взять то, что

она дала ему, и бежать со всех ног.

– Этого недостаточно, – сказал он. – Думаю... Это не имеет значения. Чего-то не хватило. У меня почти получилось, но этого недостаточно.

Она фыркнула.

– Тебе никогда не будет достаточно, ведь так? Они слишком рано позволили тебе вкусить силы. Да и твоя семья с проклятой кровью. Но ты же знаешь, конечно, знаешь. Это еще осталось в тех уголках души, которые ты крепко запер. Но что будет, когда у тебя ничего не останется? Ты уже на самом краю и скоро упадешь, а значит, не останется и кусочков, которые можно будет обменять на крохи силы. Что ты тогда будешь делать с магией, которой обладаешь?

Малахия открыл рот, чтобы заговорить, но ведьма перебила его:

– Ох, нет, нет, я все знаю, знаю. Ты же видишь. А мне интересно посмотреть, добьешься ли ты успеха там, где все потерпели поражение. Мечтатель ты или безумец? Такие идеалы, такая тьма, такая жестокость вместе не принесут ничего хорошего. Умный – очень умный – мозг, но пустое сердце, качающее почерневшую кровь. Но оно все еще бьется, а значит, его можно разбить.

Эти слова заставили его напрячься.

– Если только ты не разобьешь его сам...

Повернувшись, Пелагея склонила голову и уставилась на огонь.

– Кто тебя остановит? Действительно, кто?

Его никто не остановит. Это ужасало, но в то же время восхищало.

– Девушка, чудовище, принц и королева, – пробормотала ведьма. Она медленно провела рукой над огнем. Языки пламени лизали ее кожу, но не оставляли ожогов. – Вот только он король, а она не королева. Не так я это предвидела, но вы все постарались сорвать планы. Правда, от этого история станет еще более интересной. Более коварной, более хитрой, более волевой, чем я ожидала. Но они все еще придерживаются замечаний, которые им дали. А еще тьма и чудовища, тени, таившиеся во мраке, просыпаются. И они голодны. – Пелагея искоса взглянула на него. – Тот, кого ты считаешь своим господином, разорвет тебя на части. Да, ты обладаешь могуществом, но при этом не замечаешь то, что в итоге уничтожит тебя. Тебе следует взять силу, которую ты заполучил, и ограничить ее рамками.

– Пророчество о гибели. Как удивительно это слушать от тебя, ведьма, – иронично отметил он.

– Ох, ты не станешь меня слушать, ведь так? Надменный мальчишка, гениальный, но глупый мальчишка. Однажды ты пожалеешь об этом. Тобой завладеет то, что ты ненавидишь больше всего. Подожди и увидишь сам. Но ты прав. Ты пришел ко мне не для того, чтобы слушать о гибели. Ты пришел ко мне за чем-то другим. Чем-то, что могу дать лишь я.

– Или забрать, – подтвердил Малахия.

Она хлопнула в ладоши.

– Или забрать! Ох, мальчишка все меньше и меньше подходит на человека и все больше превращается в чудовище.

Стоило моргнуть, как Пелагея оказалась прямо перед ним, а ее пальцы крепко обхватили его подбородок и подняли вверх.

– Интересно, каким окажется твое сожаление на вкус? Будет ли оно сладким или горьким и мучительным, как яд? Такая самонадеянность, такая гениальность, такая уверенность в себе.

– И у меня есть все основания для этих чувств, – вот только его голос звучал не так уверенно.

– Ну конечно.

Малахия даже не заметил, когда ведьма стала выглядеть его ровесницей. Но сейчас ее почерневшие кудри вились вокруг бледного лица, а в темных глазах сияла тревога. Морщины больше не портили ее гладкую кожу, а расплывшиеся в улыбке губы стали пухлыми и темными.

– Красивый, высокомерный и могущественный. – Пелагея провела пальцами по его рту. – Что ты будешь делать, sterevyani bolen? Chelvyanik Sterevyani? Czarnisz Swotep? Что уже сделал?

Он замер. Прошло уже достаточно времени с его пробуждения, чтобы отрывки воспоминаний всплыли на поверхность. Светлые волосы, мозолистые руки, веснушки на лице, наморщенный в задумчивости нос.

Калязинская девушка с окровавленными руками тянется к нему, но он отталкивает ее. Она дала ему так много, но Малахия разрушил ее, потому что посчитал, что этого недостаточно.

Его охватила злость на ведьму за то, что она привела его в чувство и заставила вспомнить это.

Он наклонился вперед. Ведьма прижала большой палец к его губам и слегка надавила на нижнюю, пока указательный палец не уткнулся в его клык. На языке разлился вкус ее крови, зарождающая что-то внутри него.

Воздух с шипением вырвался из его груди. Ведьма улыбнулась еще шире и отняла руку. По ее пальцам стекала кровь. Она коснулась его закрученных спиралью рогов, которые прятались в его волосах.

– В тебе соединено такое удивительное противоречие, – пробормотала она. – Я спрошу вновь: оно того стоило?

– Да, – еле слышно ответил Малахия.

Она кивнула.

– Да. А когда тебя разорвет на части? Когда мальчик и чудовище больше не смогут уживаться вместе, когда ты поймешь, что зашел слишком далеко и достиг слишком многого, попав в самую глубокую пропасть, где обитают только самые темнейшие ужасы, это все еще будет стоить того? Подумай об этом. Хотя тебя же не интересуют пророчества о гибели.

Ведьма обхватила его запястье и подняла руку к свету. На его ладони виднелся спиралевидный шрам, но когда он там

появился?

– Ох, – вздохнула Пелагея.

И прежде чем он успел отдернуть руку, она прижала палец к центру спирали. Нить, тянущаяся к его сердцу, натянулась и завибрировала, словно кто-то пытался разорвать ее.

Едва ощутимыми, словно перышко, прикосновениями ведьма провела пальцем по спирали.

– Ты получил эту отметку раньше времени. Как интересно. Как неожиданно. Как это произошло?

Малахия помнил ворьен. Теплое дыхание у уха. Губы, прижавшиеся на секунду к его виску. И как украли его силу так, как не способен ни один маг. Он покачал головой.

– Интересно, что это меняет, – задумчиво произнесла она. – Это завладеет тобой быстрее или, наоборот, спасет? Хотя тебя уже не спасти. – Ведьма рассмеялась. – Проклятый мальчишка, порождение тьмы, какие ужасы ты обрушишь на мир под маской великодушной защиты? Сколько разрушений принесешь, прикрываясь ложью о спасении? Скольких поведешь за собой по пути ужаса?

Он поднялся на ноги, чувствуя, как дрожь тревоги расползается по телу. Малахия надеялся, что это прекратится, и сейчас чувствовал разочарование из-за того, что этого не произошло. *Проклятый мальчишка*. Голос прозвучал странно, а за ним последовал тоскливый вздох. Малахия и сам не понял, что сейчас вспомнил.

– Это оказалось так просто, – не сводя с него взгляда, ска-

зала Пелагея. — Дверь там. Если ты желаешь уйти. Ты можешь вернуться к маленькой клиричке, стать примерным королем монстров и забросить попытки изменить звезды. Она так близко. Очень близко.

Малахия остановился как вкопанный, а сердце подпрыгнуло к самому горлу. С его губ сорвался долгий, прерывистый вздох, пока он сверлил взглядом дверь.

Он мог бы уйти. Открыть дверь и попросить прощения за свои бесчисленные обманы. Вернуть все. Она простит его. А если и не сможет, то ее кинжал в сердце станет сладкой гибелью.

Но ему этого казалось недостаточно. И Малахия отступил от двери.

На лице Пелагеи появилась небольшая, но безумная улыбка.

— Оно того стоило? — вновь спросила она.

И в этот раз он не спешил с ответом. На один удар сердца он не знал, что сказать. Не знал. Не знал.

«Что он сделал с Надей?»

Он столько лишился, но все еще помнил, как поднес к губам окровавленные кулаки калязинской девушки клирика. Девушки, которая вновь и вновь приставляла кинжал к его шее, но каждый раз находила причину, чтобы оставить его в живых. Прекрасной и раздражающей девушки, ставшей его ночным кошмаром, от которой он не мог оторваться, даже когда каждый виток ее нити вокруг его пальца все глубже

погружал клинок в его сердце.

Малахия не знал, когда планы манипулирования ей сменились настоящими чувствами.

И сейчас еще больше злился на ведьму за то, что она заставила его вспомнить.

– Да, – прорычал он.

Пелагея усмехнулась.

– Тогда дай я сниму с тебя это тяжелое, смертоносное бремя. И дам тебе то, что ты хочешь. Ох, но знай, Chelvyanik Sterevyani, стоит тебе вступить на этот путь, обратной дороги не будет. Я могу забрать это и спрятать от тебя, но если ты когда-нибудь захочешь вернуть все обратно, то ощутишь такую боль, какую никогда не испытывал.

Она вложила ему в руку пригоршню костей.

– Это только начало. Вскоре их будет больше.

Ведьма не стала давать ему шанса передумать.

И поцеловала его.

И он тут же погрузился во тьму.

5

Серефин Мелески

*Своятовы Александр и Полина Розовские:
«Близнецы родились в лучах двойной луны Миесты,
но она не одарила их своей благодатью. А когда
транавийские маги крови ради забавы разорвали
их на части, зеркальные души близнецов раскололи
землю надвое и погребли магов живьем».*
Житие святых Васильева

Ксеши Руминский вел себя невероятно вежливо, пока Надя не покинула зал. Пока он провожал ее уход своими темными глазами, выглядывающими из-под капюшона, Серефин посмотрела через стол на Живию. Она в ответ усмехнулась, а затем встала и последовала за Надей.

– Это та самая? – спросил Руминский, указывая на дверь, за которой скрылась калязинка.

– Что? – Серефин подал знак слуге, чтобы тот наполнил его бокал. Он еще недостаточно напился для подобных разговоров.

– Та, которую вы выбрали бы, если бы Равалык не полетел коту под хвост. – А вот ксеши явно уже перепил, поэтому и вел себя так агрессивно.

– Вы говорите о произошедшем намного деликатнее, чем

сказал бы я, – с усмешкой ответил Серефин. – Но нет. Вам бы хотелось, чтобы я ответил «да»? Не думаю, что ее смерть поможет мне скорее отыскать вашу дочь.

Руминский нахмурился.

– Убить ее не составит никакого труда, ваше величество.

Насторожившись, Серефин повертел стакан. Он ожидал, что они восстанут против него, но Надя? Если славки решат взяться за нее, на что пойдет он, чтобы защитить калязинку?

– Вы сейчас серьезно?

– Ваше величество, вы же понимаете, что она не та, за кого себя выдает?

Серефин приподнял бровь.

– Вы заявляете, что у меня при дворе объявилась самозванка?

– Я заявляю, что при дворе есть кто-то более опасный для вас.

Наверное, Руминский думал, что Серефин не знает о заговоре. Что ж, это радовало.

– Что вы хотите этим сказать?

– Мы все еще воюем с соседями, ваше величество.

Серефин стиснул зубы, потому что никогда не привыкнет к такому обращению. А еще никогда не привыкнет к тому, что все вокруг напоминали ему о войне. словно он не провел большую часть своей короткой жизни на самых ужасающих полях сражений. словно не он бодрствовал по ночам последние несколько лет из-за ужасов войны или ее последствий,

которые он видел не раз. Он потерял в Калязине слишком много людей, которых считал друзьями. Видел, как война год за годом опустошала Транавию.

– Верно, – ответил Серефин, удивляя Руминского своей резкостью. – Именно поэтому я хочу, чтобы дворяне поддерживали меня и мои действия. Из-за этой войны мой отец иссушил ресурсы Транавии. И я намерен восстановить ее. Мы должны вернуть стране былую славу, вы согласны?

Руминский благосклонно склонил голову.

– Конечно, – ответил он. – Но было бы неразумно с вашей стороны слишком расслабляться. Ведь разве не это случилось с вашим отцом?

– Уверяю вас, моего отца убила вовсе не беспечность в делах.

– Нет, конечно. Это сделали вы.

Серефин сделал большой глоток вина и улыбнулся Руминскому.

– И у вас есть доказательства?

– Больше, чем вы думаете.

Сомневаюсь в этом. Серефин откинулся на спинку кресла и положил локоть на подлокотник.

– Отец умер из-за магического эксперимента, вышедшего из-под контроля. Он не первый, кто погиб подобным образом.

– Неужели вы думаете, что двор будет долго прислушиваться к этой лжи?

– Это угроза, мой ксеши? – вежливо поинтересовался Серефин.

– Скорее, констатация факта, ваше величество. Ведь я не единственный, кто так думает.

– На что именно вы намекаете? Может, вы забыли, что, прежде чем занять трон, отец убил – причем при свидетелях – своего отца?

– Это признание?

– Нет, потому что я подобного не совершал.

– Но есть те, кто согласен со мной.

– Согласен с чем? Прошу, выражайтесь яснее. Я понимаю, вы подозреваете меня в убийстве отца, что не так уж и ужасно, ведь это вполне по-транавийски, но мы оба прекрасно знаем, что подобное обвинение никак не повредит короне.

– Тогда чего вы боитесь?

Серефин сглотнул. Он боялся, что откроется правда. Потому что правда была ужасна и абсолютно точно помогла бы свергнуть его.

– Поймите, мне не хочется ничего предпринимать, – продолжил Руминский. – Но я готов пойти на все, чтобы вернуть свою дочь и поддержать тех, кто доверился мне. Так что, если моя дочь не вернется, я не стану стоять в стороне.

Кацпер уже составил список дворян, примкнувших к Руминскому. И видимо, пришло время взглянуть на него. Вот только Серефина не покидало чувство, что он уже знал, какие имена там увидит.

Ксеши поднялся.

– Доброго вечера, ваше величество. Надеюсь, вы поняли мою точку зрения.

– Не совсем, – ответил Серефин.

Руминский склонился чуть ниже и махнул в сторону двери, через которую вышла Надя.

– У нее поддельные документы. И это лишь подтверждает, что она самозванка. Кстати, ваше величество, вы неважно выглядите, вам стоит отдохнуть.

Когда мужчина зашагал прочь, Серефин соскочил со стула и выскочил из зала, чтобы не дать славкам возможности пристать к нему. Он уже опьянел. И очень устал. А ведь он все еще не решил, как быть со Стервятником.

Должно быть, Руминский считал, что Серефин убил своего отца, чтобы заполучить корону. И ксеши не волновало, что он никогда не стремился занять трон. Так что у Серефина появилось подозрение, что попытки свергнуть его связаны с другим: с его желанием закончить войну.

Вот только пока все его попытки оказались безуспешными. Калязин отказывался слушать призывы к перемирию, а послы, которых он отправлял туда, либо возвращались обезумевшими, либо не возвращались вовсе.

Левый глаз Серефина заволокла пелена – сильнее чем обычно, – отчего его зрение помутилось настолько, что он на мгновение ослеп и ему пришлось остановиться. Его зрение никогда не отличалось четкостью, и он привык всматривать-

ся в расплывчатое окружение. Но сейчас все ощущалось по-другому.

«Ты мог бы справиться с этим лучше».

С губ Серефина сорвался всхлип, и он с силой зажмурил глаза. Но стоило ему открыть их, как тут же возникло неясное видение. Словно один глаз видел то, что не видел другой.

Какой-то лес, темный, густой, дремучий. Зловещий. Огромные и скрюченные деревья, переплетенные в непролазную стену. Казалось, там жило что-то древнее, что слишком долго спало беспробудным сном.

«Многое очнется от забытья. Вот увидишь».

И этот голос, этот голос. Серефина затрясло. Он сходил с ума. Иного объяснения не было. И галлюцинации – первый признак этого.

«Твое упорство утомляет все сильнее. Я планировал за-получить девушку, но ей, к сожалению, слишком сильно за-дурили голову другие».

Серефин с трудом сделал вздох. Голос никогда раньше не говорил с ним так связно. И слишком реалистично.

Лес начала окутывать тьма, кровь засочилась из-под корней деревьев. Серефина охватила паника, и он прикрыл левый глаз, надеясь, что видение исчезнет. А через мгновение с радостью обнаружил, что вновь видит перед собой залы дворца.

«Ты не избавишься от меня так легко, – сказал голос. – Думаешь, сможешь прожить с одним глазом?»

И Серефин наконец сдался.

«Но и у тебя есть только один. Правый глаз все еще мой».

«Пока».

Он изо всех сил старался сохранять спокойствие и шагать по коридорам, словно ничего и не произошло, правда, при этом закрыв глаз рукой. Но что-то изменилось. Странности, на которые он раньше не обращал внимания, надеясь, что они пройдут, выплывали на поверхность.

– Ваше величество?

Серефин остановился словно вкопанный, едва не врезавшись в славку. Тот замер посреди коридора и с некоторым беспокойством наблюдал за ним.

– С вами все в порядке?

Парень протянул к нему руку. Он казался примерно одного с Серефином возраста и выглядел смутно знакомым. Только через несколько минут Серефин понял, что перед ним Павел Морачевский. Славка, который, скорее всего, примкнул к Руминскому и перед которым не стоило показывать своих слабостей.

– Я в порядке, – коротко ответил Серефин и пронесся мимо, прекрасно понимая, что слухи, словно лесной пожар, за несколько часов разлетятся по дворцу.

Пошатываясь, он завалился в свою комнату, где смог опустить руку и открыть левый глаз. А затем тут же направился к бару.

Его охватывало такое напряжение, что, когда через секун-

ду распахнулась дверь его покоев, он чуть не запустил бутылкой в стену.

Это оказался Кацпер.

– С тобой хочет поговорить Стервятница. – Он выразительно покосился на бутылку, которую удерживал в руке Серефин, и тот безмолвно протянул ему алкоголь. Но Кацпер лишь тяжело вздохнул. – Я воздержусь.

– Не прикидывайся невинной овечкой, – бросил Серефин. Кацпер рассмеялся.

– Пошли, я оставил ее с Надей, и, боюсь, они поубивают друг друга, пока мы туда доберемся. – Серефин посмотрел на друга. – Кровь и кости, да ты пьян. Сядь, Серефин.

Он нахмурился, но позволил Кацперу усадить себя на козетку.

– Я видел... – Серефин замолчал.

Кацпер шагнул ближе.

– Что ты видел?

Он присел на корточки перед Серефином и опустил ладонь на его дрожащую руку.

На мгновение Серефин залюбовался темно-карими глазами и шрамом, пересекавшим бровь друга.

Кацпер все это время неотрывно смотрел на больной глаз своего короля, и Серефин с трудом удержался от желания прикрыть его. Он знал, как странно тот выглядел, стал темно-синим, словно полуночное небо, зрачок исчез, и осталось лишь мерцание звезд – целых созвездий, – которые кружи-

лись, перемещались и постоянно менялись.

Что он увидел в видении? Что за место? Кацпер протянул руку, а затем осторожно коснулся кожи под левым глазом Серефина. И его пальцы тут же окрасились кровью.

– Это что-то новенькое, – выдавил Серефин.

Он ощущал странное тепло, а место, которого коснулся Кацпер, горело. Видимо, он опьянел сильнее, чем ему казалось.

Кацпер медленно кивнул. Вытерев руку, он вложил в ладонь Серефина носовой платок.

– Не рассказывай об этом никому, – попросил он.

Серефин фыркнул. Если бы его друг знал хоть половину из того, что с ним происходило.

– Славки все равно считают, что я схожу с ума, – пробормотал Серефин. – А вскоре узнают и об этом.

И рассказал Кацперу о встрече с Павлом.

На лице друга тут же отразилось огорчение.

Серефин осторожно помассировал левый глаз. Появление видения и голоса явно не предвещало ничего хорошего. Кацпер правильно сказал, ему не следовало никому об этом рассказывать. Даже самому Кацперу и Остии. Никому.

Возможно, если ему удастся уехать из дворца – подальше от того места, где он умер, – это прекратится. Серефина слишком пугало происходящее, чтобы рассказать об этом матери, но, возможно, она могла бы дать какой-то совет. Над Гражиком висел густой и удушливый смог. Может, проведя

несколько месяцев на чистом воздухе, он вновь почувствует себя нормально.

Вот только Серефин не собирался уезжать. Сейчас он планировал делать лишь то, что лучше для его королевства. Но в одном Руминский оказался прав: Серефин ощущал себя так же ужасно, как выглядел. Впрочем, он не собирался рисковать и оставлять трон без присмотра.

Только, кажется, выбора у него не оставалось.

– Кто из славок примкнул к Руминскому?

– Костек, Богуславский, Тушинский, Морачевский, Масловский и Фияковский, – выпалил Кацпер, не поднимая головы.

Серефин вздохнул.

Семья Масловских занималась изготовлением книг для заклинаний. Костеки были купцами и, переправляя свои товары реками, обеспечивали ими половину страны. Так что эти славки явно потеряли бы многое в случае окончания войны. Да и Руминский сейчас зарабатывал больше, чем в мирное время. И хотя Серефину отчаянно хотелось, чтобы дворяне были менее мелочными и жадными, он не сомневался в их мотивах. Вот почему он так ненавидел королевский двор.

Слегка пошатываясь, он поднялся на ноги.

– Тогда давай послушаем, что нам скажет Стервятница.

Живия сидела, закинув ноги на стол. Рядом с ними лежала ее железная маска. Надя расхаживала из угла в угол, стараясь

сдержат непонятную дрожь. И ни одна из них не заметила появления Серефина, когда он шагнул в комнату.

Что ж, им предстоял долгий разговор.

– Руминский знает, что твои документы поддельные, – опускаясь на стул, сказал он Наде.

Ее лицо застыло, и казалось, она вот-вот упадет в обморок.

– А я говорила, – нараспев произнесла Живия.

– Заткнись, – огрызнулась Надя.

– Думаю, он пока не знает наверняка, что ты калязинка. Но подозревает это, – сказал Серефин. – И еще неизвестно, поможет ли мне твое разоблачение или утянет следом.

В комнате повисла такая напряженная тишина, что обе девушки дернулись, когда дверь открылась. Остия тихо опустилась на кресло, стоящее рядом с Серефином.

– Но, – продолжил тот, – я всегда могу обвинить в случившемся Малахию.

– А ты не боишься развернуть гражданскую войну? – любезно поинтересовалась Живия.

– В этом-то и вопрос.

– Боюсь, это выльется еще большими проблемами.

– Уверен, сейчас ты скажешь то, что явно мне не понравится, – устало махнув рукой, сказал Серефин.

– Ты прав.

– Это Малахия попросил мне передать?

Надя вздрогнула, услышав его имя.

Живия покачала головой.

– У него есть и другие заботы.

– Ты говорила это и в прошлый раз, а потом оказалось, что его заботило планирование моей смерти, – напомнил Серефин. – Обстоятельство, которое я не забыл и которому еще уделю свое внимание.

Живия скептически посмотрела на него.

– Калязинцы открыли новый способ использования магии, о котором нам практически ничего не известно, – сказала она. – Судя по всему, область воздействия такой магии ограничена, но она невероятно эффективна. И дело не в появлении новых клириков. Это что-то другое. Магия, которую они используют, очень похожа на... – она махнула рукой, подыскивая слова, – божественную, но при этом немного другая.

Надя нахмурилась и потерла шрам на ладони. Она выглядела странно, словно за те часы, что прошли после ужина, успела заболеть.

– Это тревожная новость, – пробормотал Серефин. – Но она объясняет сплоченность калязинцев.

– О чем ты? – спросила Надя.

Серефин многое скрывал от нее, но, возможно, она пока не понимала этого. Вряд ли она догадывалась, как упорно сопротивлялся Калязин и как транавийцы изо всех сил старались удержать их.

А ведь он все никак не мог понять, как Транавия потеряла

преимущество в войне и за несколько месяцев от активного наступления перешла к изматывающей обороне своих границ от атак врагов. Ни одно из донесений не объясняло этого, и Серефин испытывал невероятное искушение вернуться на фронт.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что их магия эффективна? – проигнорировав Надю, поинтересовался он.

– Им еще не удалось убить хоть одного Стервятника, но они уже знатно потрепали их, – ответила Живия и покосилась на Надю. – Нам обязательно обсуждать это в ее присутствии?

– А что, по-твоему, я могу предпринять? – огрызнулась Надя.

Выпрямившись в кресле, она напоказ опустила подбородок на ладонь, словно собралась внимательно слушать дальше.

– Ты наш враг.

– Как же я устала от этого.

Живия вновь посмотрела на Надю, а потом наклонилась вперед и бросила на стол горсть костей. Из горла калязинки тут же вырвался низкий рык. Прищурившись, Серефин пытался понять, что же перед ним лежало.

– Это мощи святых, – прошептала Надя.

Руки потянулись к столу, а глаза остекленели, но Стервятница прижала ее ладонь, заключив в клетку из железных когтей.

«Ох. Человек, значит».

Живия не отрывала взгляда от Серефина, но на ее лице застыло нечитаемое выражение.

– Продолжай, – попросил он.

– Voldah Gorovni вернулись, – сказала она, не выпуская руки Нади. – То ли из-за новой магии калязинцев, то ли из-за того, что Стервятники стали более активно использовать силу.

– Стали более активно использовать силу, потому что ваш король полностью слетел с катушек, – заметил Серефин.

Живия явно хотела ему возразить, но через мгновение только кивнула.

– Как хорошо он контролирует ситуацию? – тихо поинтересовалась Надя.

– Не очень хорошо. Перелом в сознании фактически расколол орден, и то, в каком состоянии он находится сейчас...

На лице калязинки мелькнуло отвращение.

– ... этого мало, чтобы восстановить разорванные узы.

– Я знаю, что славки уговаривали Стервятников выйти на поле боя, – сказал Серефин.

Это немного не укладывалось в голове. Не просто так Стервятников не пускали на фронт. Они вели себя непредсказуемо, и тогда под удар попадали не только враги, но и сами транавийцы. А этих потерь хотелось избежать.

– Да, но калязинцы, как ни странно, не особо опасаются их. Мы едва не потеряли несколько Стервятников-охотни-

ков.

– Ты пришла, только чтобы рассказать нам это? – спросил Серефин. – Информация очень важная, и я благодарен, что ты поделилась ей, но удивлен, что это произошло.

Живия помедлила с мгновение, но затем наконец отпустила Надю и откинулась на спинку. Надя невольно вновь потянулась к мощам, но затем пришла в себя и сжала руки в кулаки. Наблюдая за ней, Стервятница провела большим пальцем по татуировкам на подбородке.

– Почему мы не видели их раньше? – спросил Серефин у калязинки.

– Они не сработали, – ответила за нее Живия. – Не так, как должны были.

– Магия меняется, – пробормотала Надя, а Серефин нахмурился.

– Транавия не выстоит, если в ордене произойдет раскол, – с опаской призналась Стервятница.

Транавийцы во всем полагались на магию крови, а Стервятники считались высшим органом власти в ней. Серефин старался не думать о том, что произойдет, если они отойдут от дел.

– И что ты хочешь от меня? Заступничества? Что-то подсказывает мне, что Малахия считает себя намного выше меня.

– С этим не поспоришь, – ответила Живия.

– Тогда чего ты хочешь?

Она указала на Надю.

На мгновение в комнате воцарилась тишина.

– Ни за что, – сказала Надя, все еще не отрывая взгляда от мощей.

– Он очень хорошо отзывался о тебе, – сказала Живия, но в ее голосе слышалось нечто еще. Нотки отчаяния.

Надя подалась вперед.

– Мне плевать, – выдавила она сквозь стиснутые зубы. – Он сам обрек себя на это пекло, так пусть горит в нем.

– Тогда почему ты до сих пор здесь? Зачем околачиваешься в столице своего врага?

– Я гнию, как и он, – решительно сказал Надя.

Стервятница помолчала несколько секунд, а затем на ее лице появилась небольшая улыбка.

– Да, именно это и происходит. Что ж, я хотя бы попыталась. Но должна предупредить вас.

– О чем?

– Он скоро объявится.

Надя напряглась, а ее рука взметнулась к деревянным бусам.

– Не могу сказать, что именно он задумал...

– Это очень помогло, – иронично отметил Кацпер.

Живия улыбнулась, обнажая свои острые зубы.

– Я действительно не могу вам ничего сказать, потому что я не только предана ему, но и во всем слушаю его.

– Так к чему тогда это предупреждение? – спросил Сере-

фин. – Вас обычно не заботит благополучие Транавии.

– Ты ошибаешься, – ответила Стервятница. – И где-то в глубине души он еще заботится о стране. Я не заботилась... не забочусь... но ты достоин шанса, прежде чем он нанесет удар.

Надя побледнела, а Серефин лишь кивнул.

– Может, ты еще скажешь, к кому он придет первым?

Живия открыла рот, но тут же закрыла его и покачала головой.

– Жаль. – Серефину предстояло сделать свой выбор, и времени на него почти не осталось.

– Разве, придя сюда, ты не поставила под сомнение свою верность? – спросила Надя. – К тому же в последние четыре месяца Малахия, кажется, позабыл о нас. Чего он выжидал?

Живия выразительно посмотрела на Серефина, ожидая, что он ответит. При виде их нерешительности на лице Нади отразилась мука.

– Не рассказывай мне, что он натворил. Я не хочу этого знать.

– Нет. Конечно, не хочешь, – заявила Живия.

– Не думаю, что есть вероятность, что он нападет на тебя, Серефин, – спокойно сказала Надя.

Вот только он не мог рисковать благополучием своего королевства, уверовав, что Малахия выступит против ее народа – против ее богов, – прежде чем вновь попытается занять трон Транавии. Да и если Черный Стервятник направит все

свои силы против Калязина, это не положит конец войне, а только усугубит ее.

Внезапно Кацпер дернулся, словно что-то почувствовал, а затем склонился к уху Серефина.

– Кто-то воспользовался заклинаниями у дверей в твои покои.

Кровь и кости.

– Как быстро ты сможешь собрать свои вещи? – спросил Серефин у Нади.

– Что случилось? – побледнев, отозвалась она.

– Кажется, у нас в запасе есть максимум пара минут, прежде чем гвардейцы, которые, кстати, не должны подчиняться Руминскому, ворвутся сюда, чтобы арестовать нас. И не жди суда, тебя повесят сразу, а затем, скорее всего, меня обвинят в укрывательстве вражеской шпионки... Ты ведь не шпионка?

Вытаращив глаза, Надя покачала головой.

– Что ж, хоть это радует. Но они все равно воспользуются этим предлогом, чтобы лишить меня сил. – Он отмахнулся от мотылька. – Он хочет вернуть свою дочь и не заинтересован в окончании войны. А Жанета... – он перевел взгляд на Живию, – ...по твоей части.

– Мы не отпускаем своих без веской причины, – сказала Стервятница.

– Как любезно.

Серефин поднялся на ноги и махнул рукой Наде, чтобы

она следовала за ним.

– Еще раз спасибо за информацию и предупреждение. Но если ты не можешь отдать то единственное, что действительно нам поможет, то, полагаю, нам больше не о чем говорить.

Он рывком распахнул дверь.

– Я не обладаю такой властью, – выпалила Живия. – Тебе следует обратиться к Мала... Черному Стервятнику.

Серефин замер на мгновение.

– Он в Гражике?

– Нет. Он не покидает пещер.

Серефин закрыл глаза.

– И он нанесет свой удар именно по пещерам?

Живия кивнула.

Она явно умолчала о чем-то, и от этой мысли Серефина охватил озноб.

С чем еще ему предстоит столкнуться кроме собственного брата?

Правда, и выбора у него не оставалось. Вернее, его просто не оставили.

– Ну конечно. Что ж, пожалуй, я сам нанесу ему визит.

От этого зависели благополучие королевства и возможность сохранить трон.

6

Надежда Лаптева

«Что же случилось с Миленой Шишиовой? Девушкой, одаренной благословением богини и неукоснительно следовавшей ее воле? Одним прекрасным утром она проснулась и поняла, что богиня покинула ее. А единственное, что боги оставляют после себя, – разбитое сердце».
Книги Иннокентия

Наде пришлось перейти на бег, чтобы догнать Серефина.

– Ты серьезно? – закричала она.

– Говори потише, – прошипел он, но слегка замедлил шаг, чтобы Надя могла его догнать. – Вот что мы сделаем, – все так же тихо продолжил он. – Мне необходимо поговорить с матерью. А ты пока вернешься в свои покои и приготовишься к отъезду. Как только освобожусь, то пришлю за тобой Остию, чтобы она вывела тебя из дворца.

– Почему ты мне помогаешь?

– Не знаю, – признался Серефин. – Но ты отправишься со мной в Соляные пещеры.

– Серефин...

– У нас нет времени, – перебил он. – Поспеш.

Ей хотелось знать, что случится, если этот дворянин до-

берется до нее. Быть калязинкой – это одно, но если обнаружили, что она клирик... Надю радовала возможность покинуть это место, где она позволила запереть себя и где тонула в чувстве вины, но она не собиралась отправляться в пещеры.

Шрам на ее ладони зудел с того времени, как состоялся тот разговор в заброшенной часовне. А еще почему-то почернел, словно вокруг него на ладони скапливалась кровь. Но Надя не собиралась сейчас рассматривать его.

– Мы уезжаем, – объявила она, переступив порог своих покоев.

Париджахан сидела на козетке и медленно перебирала волосы Рашида, голова которого лежала на ее коленях.

– Что? – уставившись на Надю, спросила она.

– Славки выяснили, что мои документы поддельные.

Услышав это, Рашид сел и громко выругался.

Им не потребовалось много времени, чтобы собрать свои немногие пожитки. Но их прервал громкий стук в дверь. Вряд ли бы так громко стучала Остия. Надя замерла и испуганно посмотрела на Париджахан.

Аколийка тут же выпрямилась.

– У меня есть идея, – сказала она. – Это даст нам немного времени.

Она быстро расплела косу, чтобы ее локоны свободно падали на плечи, а затем сбросила туфли.

– Спрячься за козеткой, – прошептала она. – Сиди тихо

и не высовывайся.

Париджахан провела рукой по волосам и, что-то громко сказав на аколийском, распахнула дверь.

– Надеюсь, у вас есть достаточно веская причина, чтобы беспокоить меня посреди ночи. Нет, нет, не вздумайте даже переступить этот порог, пока не представитесь и не озвучите цель своего визита.

– Это покои Надежды Лещинской? – спросил гвардеец.

– Разве похоже, что я ношу фамилию Лещинская? – выпалила Париджахан. – И не смейте заходить в мои покои, я не разрешала вам переступить порог. Если вы сделаете еще хоть шаг, я разожгу международный конфликт.

Надя на корточках подползла к углу козетки, чтобы посмотреть, что происходит. В этот момент гвардейца оттеснила в сторону хорошо одетая незнакомая славка. Она развернула листок бумаги и показала его Париджахан.

– Вы уверены, что Транавия переживет войну с Аколой? – спокойно спросила Париджахан.

Славка опустила листок.

– У меня есть ордер на арест Надежды Лещинской. Она должна немедленно пройти с нами.

– Я рада за нее. Но вы пришли не в те покои.

На лице гвардейца появилось озадаченное выражение.

– Меня зовут Париджахан Сирооси. Я прасит дома Сирооси, Пятая из Солнц Аколы, и если вы не отойдете от моей двери в течение десяти секунд, то отношения, построенные

на благодущии, которые процветали между нашими странами, закончатся этой ночью.

Надя зажала рот рукой. Рашид с беспристрастным лицом небрежно опустил на подлокотник козетки, но она знала, насколько опасным он может быть в случае необходимости. Славка, заикаясь от волнения, начал бормотать какие-то извинения, но Париджахан просто захлопнула дверь перед ее носом. Подождав немного, аколийка повернулась к двери спиной, но что-то в ее позе изменилось.

– Пора уходить, – еле слышно проговорила она.

Надя перелезла через спину козетки и посмотрела на подругу.

– Пардж, что...

Но та отмахнулась от нее. Она вновь надела туфли и взяла рюкзак, который положила на одну из полок книжного шкафа. Надя знала, что Париджахан родилась в одном из знатных домов Аколы, но и понятия не имела, насколько высокое место девушка занимала в обществе.

Рашид почесал подбородок.

– Уже через три дня твоей семье доложат, что ты побывала здесь.

– Я знаю, – коротко ответила аколийка.

В дверь снова постучали, но в этот раз гораздо тише. Через мгновение в покои вошла Остия.

– Принцесса, да? – сказала она.

Париджахан закрыла глаза.

– Мы уже можем уйти отсюда?

– Конечно, Ваше Высочество.

В мгновение ока Париджахан прижала транавийку к стене и приставила кинжал к ее горлу.

– Не называй меня так, – процедила она сквозь зубы. – Ни-ког-да.

– Как скажешь, – с нахальной улыбкой ответила Остия.

Вздыхнув, Париджахан отступила назад. Через мгновение, поманив их за собой, Остия выскользнула за дверь, и Надя подхватила свой рюкзак.

Транавийка повела их теми же закоулками, по которым бродила Надя во время своих полуночных скитаний. Она уже давно могла бы сбежать, но все чего-то ждала, как идиотка.

Серефин с Кацпером встретили их у конюшен в северной части дворца.

– Что ты сделаешь с Руминским? – спросила Надя.

– Моя мать займет трон в мое отсутствие, – ответил Серефин. – Руминский не посмеет устроить заговор еще и против нее.

Но Кацпер не выглядел столь же уверенным в этом.

– При условии, что ты быстро вернешься, – пробормотал он.

Серефин открыл рот, явно собираясь огрызнуться в ответ, но, вздохнув, повторил:

– При условии, что я быстро вернусь.

Им понадобилось всего несколько минут, чтобы оседлать лошадей, после чего они направились на юг. Вскоре они покинули Гражик, а расположенные рядом деревни сменились бесконечной дорогой, по обеим сторонам которой возвышался темный густой лес. Все это время Остия причитала, что выбраться из города оказалось слишком легко. Серефин с каждой минутой мрачнел все сильнее. А Надя боялась заснуть и свалиться с лошади. Она не особо владела верховой ездой.

Ее рука продолжала нить, и она с трудом сдерживалась, чтобы не стянуть перчатку и посмотреть на шрам. Но прохладная, скорее даже холодная не по сезону погода мешала этому. Казалось, словно на землю вернулась зима, отгоняя весну и лето.

Когда Серефин наконец съехал с дороги, чтобы устроить привал на несколько часов, Надя вздохнула с облегчением. У нее то и дело возникала мысль, что такая бешеная скачка ни к чему, пока Рашид не упомянул, что транавийский король понятия не имеет, станет ли Руминский чтить регентство его матери.

– Фактически ты оставил трон на растерзание стервятникам, – сказал Рашид.

– А лучше бы было отдать его самим Стервятникам? – поинтересовался Серефин. – Мне вот любопытно, а получился бы из Малахии достойный король? – добавил он и выразительно посмотрел на Надю.

Она проигнорировала его, а вместо этого наконец стянула перчатку и потерла ладонь. Неужели на шрам повлияла сила Малахии? Неужели это она гноилась под кожей?

Надя совершила ужасную ошибку, оставив его в живых.

Серефин вытащил из кармана кителя серебряную фляжку и сделал большой глоток.

– Если мне удастся разобраться с этим достаточно быстро, то поводов для беспокойства не останется, – чересчур высокомерно заявил он.

Может, Наде не стоило оставлять в живых и Серефина?

Рашид медленно кивнул, явно задаваясь вопросом об умственных способностях короля.

– Что ж, тогда нам следует поскорее закончить с этим делом.

– Отличный план.

– Как думаешь, они и дальше станут преследовать нас? – спросила Надя.

– Тебя? Возможно. Меня? Вряд ли.

– Вместо этого они наймут убийц, чтобы устранить тебя, – пробормотал Кацпер, выглядя при этом встревоженно.

Серефин свирепо уставился на Кацпера и, выдернув палатку из рук помощника, зашагал на другую сторону поляны.

Надя подошла к Серефину, пока остальные разбивали лагерь. К ее удивлению, его движения показались настолько четкими, словно он делал это уже тысячи раз. Она знала, что он воевал на фронте – видела это собственными глазами, –

но ей казалось, что даже в армии ему во всем прислуживали.

– Я не могу отпустить тебя, – после долгого молчания заговорил он.

– Но сможешь ли ты остановить меня? – спросила она, присаживаясь рядом с колышками, которые Серефин сложил перед тем, как начать собирать палатку. – Почему ты не отдал меня этому славке?

Он пожал плечами.

– Я не мог позволить повесить тебя за то, в чем, по сути, нет твоей вины.

– Я проникла во дворец с единственной целью – убить короля, – напомнила она. – И мне это удалось.

Серефин откинулся на пятки.

– Да. Удалось.

– А затем я собиралась убить и тебя.

Он тихо рассмеялся и закатал рукава. Его предплечья покрывали шрамы от случайных порезов, сделанных во время сражений, чтобы воспользоваться магией. Вряд ли в те моменты он задумывался об отметинах, которые останутся на коже. Они разительно отличались от порезов, которые она видела на бледных предплечьях Малахии, сделанных лишь ради того, чтобы причинить больше боли самому себе.

– Я рад, что ты этого не сделала. Хотя это порадовало бы весь королевский двор. – Серефин закончил устанавливать палатку и сел рядом с ней. – Они поняли, что я не собираюсь плясать под их дудку, – продолжил он и провел рукой по

волосам, зацепившись пальцами за кованую железную корону, которая все еще покоилась на его голове. Вздыхнув, он стянул ее. – Я надеялся, что славки – по крайней мере, большинство из них – хотят, чтобы война закончилась. И мне стало стыдно, когда я понял, что это не так. – Он потер подбородок, явно испытывая неловкость. – Да и от бродящих по дворцу слухов оказалось не так-то легко отмахнуться.

– И ты считаешь, что, как только приведешь Жанету к ее отцу, он успокоится?

– У меня нет других вариантов.

– Почему мне кажется, будто ты убегаешь от проблем?

На его лице появилась небольшая ухмылка.

– Потому что так и есть. – Он посмотрел на Надю совершенно ясными глазами. – У меня появились и другие причины покинуть Гражик. Магический осадок в воздухе негативно сказался на мне. У меня начались... – он пренебрежительно махнул рукой, – ...галлюцинации.

Надя замерла.

– Что?

Но он не обратил внимания на ее беспокойство.

– Всего лишь старая магия. Я давно не проводил столько времени в Гражике, так что оказался восприимчив к воздуху. Но теперь, когда мы покинули город, мне станет лучше. Я понимаю, что ты не хочешь идти в пещеры, но мне нужна твоя помощь.

– Ты не понимаешь о чем просишь, – тихо произнесла На-

дя.

Ее рот наполнила слюна, как бывает перед рвотой. Что Серефин подразумевал под галлюцинациями? Она тоже почувствовала себя странно, когда впервые попала в Гражик, но через какое-то время смог в воздухе перестал ее беспокоить.

– Расскажи мне, – тихо попросил он.

Но она лишь покачала головой.

– Надя... – нахмурившись, начал он.

– Пошли со мной, – перебила его Париджахан, подходя к ним, – я расскажу все, что тебе нужно знать.

Надя молча проводила взглядом Париджахан и Серефина. Ему не обязательно знать всю глубину предательства Малахии. Только не от нее.

Когда по поляне разнеслись тихий голос Париджахан, объясняющей, что произошло, и громкий спор Остии с Кацпером из-за того, стоило ли разводить костер, рядом с Надей опустился Рашид.

– Ужасно ли то, что я скучаю по нему? – спросила она, положив голову другу на плечо.

– Нет, – ответил аколиец. – Я тоже скучаю по нему. Мы не обязаны идти с транавийцами, ты же знаешь.

– Мне больше некуда идти, Рашид, – тихо возразила она.

– Возвращайся в Калязин. Найди войска. Отыщи Анну.

Ее сердце сжалось от этих слов. Сейчас она не принесла бы никакой пользы войскам. И даже не задумывалась, что

скажет Анне, если найдет ее.

– Я так устала. Я все время думаю, прошло ли достаточно времени, чтобы я могла начать жить своей жизнью, но... – Она покачала головой. Ей не хотелось говорить, что она постоянно ощущала присутствие Малахии. – А почему вы с Париджахан до сих пор не ушли? – сменила Надя тему разговора.

Даже мысль, что они могут уехать, вызывала приступ отчаяния и тревоги, поэтому она не осмеливалась спросить об этом раньше.

Темные глаза Рашида устремились к Париджахан и Серефину. Аколийка выглядела напряженной, а ее рука покоилась рядом с кинжалом, который она пристегивала к бедру.

– Не думаю, что Пардж завершила здесь все свои дела, – ответил Рашид. – Она не готова вернуться домой. Поэтому я тоже остался.

Надя проследила за его взглядом, чувствуя легкое недомогание.

– Вы с ней... – Она замолчала, не зная, как облечь в слова возникший в голове вопрос.

Рашид рассмеялся.

– Нет. Я бы не пошел на это. Да и не думаю, что я во вкусе Пардж. Моя семья была в долгу перед ее семьей, но я давно уже отработал его. Она похожа на холодную звезду, вокруг которой мы все вращаемся, но я все равно люблю ее.

Серефин внимательно посмотрел на Надю, и она задалась

вопросом, что же такого ему сказала акойлика.

– Разве она не отомстила за сестру?

Рашид пожал плечами.

– Честно говоря, не знаю. Но очень на это надеюсь.

Вызвавшись первой нести караул, Надя потушила огонь, чтобы остались лишь тлеющие угли, а затем повернулась к нему спиной и поплотнее закуталась в китель.

Ее не следовало надевать его дурацкий китель. Но Надя не удержалась и уткнулась лицом в воротник, на котором все еще сохранился его запах, задаваясь вопросом, как скоро он выветрится. Ей не следовало думать о нем, ведь это только привлечет его внимание...

Надя вздохнула.

«А вот и ты».

«*Ты где-то в другом месте*», – в его голосе прозвучало любопытство.

И в этот раз его речь с самого начала звучала связно. Интересно, что это означало? Кем был Малахия и кем было чудовище?

«А ты находишься в том же самом месте. Это так скучно».

Она не сомневалась в своих словах. Живия сказала, что Малахия не покидал пещер. И это звучало душераздирающе. Одним из немногих его признаний, в истинности которых Надя не сомневалась, стало то, что он до ужаса боялся этого темного и ужасного места.

Она ощутила искры раздражения, исходящие от него.

«Не ожидала, что ты вернешься, – сказала Надя. – Ведь меня тщательно взвесили, затем измерили и посчитали непригодной. Боги, должно быть, очень неприятно для такого существа, как ты, наделенного подобием божественных сил, оказаться связанным со смертным, не владеющим магией».

Больше всего в этой связи – помимо всего остального – ее раздражало ощущение, будто Малахия находится совсем близко. словно он сидит рядом, сгорбив свое сухопарое, худое тело и вытянув длинные ноги.

Но здесь, в темноте, спиной к угасающему костру, находилась лишь она.

«Не владеющим магией?» – Голос прозвучал озадаченно.

«Разве тебе никто не говорил, что я теперь не представляю большой важности?»

«Неверная оценка».

«А ты сам ее даешь?»

Она почувствовала, как, словно яркие язычки пламени, вспыхнуло его раздражение, и замолчала. Ей не следовало его дразнить. Но это оказалось так просто. словно между ними и не стояли предательство и ужасные поступки, а вновь воцарилась знакомая атмосфера. Вот только ей не следовало к этому стремиться. Она должна была обозначить для себя черту, которую ни за что не переступит.

Поляна, выбранная для лагеря, располагалась недалеко от

дороги, но Наде внезапно показалось, что она находилась за много километров оттуда. Деревья выглядели слишком высокими, с тонкими длинными ветвями, которые больше напоминали прутья клетки. Тьма стала неестественной, густой, тягучей и овевала смертельным холодом.

«Почему ты вернулся?» – задала вопрос Надя, когда молчание между ними стало казаться комфортным, хотя окружающий мир становился все более угрожающим.

Она чувствовала, что он наблюдает за ней или как-то чувствует еще через ту странную магическую нить, связавшую их.

«Не знаю», – ответил он.

И Надя возненавидела себя за то, что позволила своей решимости ослабнуть.

В его голосе царили хаос и тьма, но также слышались нотки одинокого парня, который все больше отдалялся от всех ради ничтожных идеалов. Ей же хотелось ощутить справедливый азарт. Малахия заполучил то, что хотел, но все еще чувствовал себя несчастным. И Наде хотелось хоть как-то утешить его, даже понимая, что он этого не заслуживал.

Ведь сейчас, не видя его, а слыша лишь его голос, она могла легко притвориться, что он не превратился во что-то ужасное. И теперь ей вновь придется искать причины для отращения к тому, кем он стал.

«Ну, мы же не можем и дальше так сидеть, верно? – сказала она. – Уверена, у тебя есть куда более важные дела».

Но он ничего не ответил. Казалось, Малахии нравилось просто наблюдать за ней. И Надю это тревожило. Она не знала, как много он видит. Как много ощущает в ней.

Но вдруг он напрягся, словно хищник, готовящийся броситься в атаку.

«Ты не одна».

Надя закатила глаза.

«Конечно, я не...»

«Она здесь».

«Она». – Надя и сама удивилась надежде, вспыхнувшей у нее в груди.

Малахия обладал связью с божественными силами, пусть извращенными и ужасными. Она же ее лишилась.

«Есть ведьмы, а есть она. Я больше не потерплю ее», – выпалил Малахия и через мгновение исчез.

Недоуменно нахмурившись, Надя подняла голову и увидела перед собой молодое бледное лицо Пелагеи.

От неожиданности ей едва удалось сдержать крик. Пелагея приложила палец к губам и озорно усмехнулась.

– Здравствуй, дитя, – произнесла она и протянула руку Наде. – Пойдем со мной, я должна тебе кое-что показать. Видишь ли, ты последняя, да и время пришло. Прошлое осталось в прошлом. Наступил нужный момент.

Надя посмотрела на остальных, что сейчас сладко спали. Она не собиралась оставлять их без присмотра, особенно когда вокруг происходило что-то необъяснимое. Следующей

вызвалась нести караул Париджахан. И она явно заметит, если Надя не разбудит ее вовремя.

– Ох, боюсь, у тебя нет выбора.

Пелагея схватила Надю за руку, и они в мгновение ока оказались в каком-то другом месте.

С трудом поднявшись на ноги, Надя оглядела тускло освещенную комнату. Она напоминала покои ведьмы во дворце, вот только из окон виднелся темный лес.

Комната содрогнулась, и Наде пришлось прижать руку к стене, чтобы удержать равновесие.

– Ох, не обращай внимания. Дом немного неугомонный, – сказала Пелагея.

– Мне нужно вернуться, – заявила Надя.

– К чему? К тоске по жалкому парню, который разбил тебе сердце? Или к пустоте, созданной твоими руками? – Пелагея постучала пальцем по носу. – Ты ведь ничего не почувствовала, верно? Не ощутила, что он там делал?

В последнее время Надя почти ничего не чувствовала. Она покачала головой, не уверенная в том, действительно ли хочет знать, к чему приведет этот разговор.

Ведьма посмотрела на Надю с такой жалостью, что это вызвало в ответ дикую злость.

– Останови это. Верни меня назад. Я не хочу этого.

– Ох, дитя мое. Я поберегла встречу с тобой напоследок, потому что твой путь будет трудным и долгим. Он потребует от тебя усердия, старания и приведет к концу. А мо-

жет, и нет? А может, и да. Очень трудно говорить о чем-то с теми чудовищами, наделенными божественной силой, которых мы зовем богами. Очень трудно понять, что они могут сделать с тобой.

Надя сжала четки, смаргивая застилающие глаза слезы.

– Что он сделал? – хриплым шепотом спросила она.

Ее обеспокоило, что речь ведьмы звучала намного более связно, чем в прошлый раз, когда Надя видела ее. Она не знала, что подпитывает силы Пелагеи: ветер, природа или диковинная магия. И не знала, могла ли получить доступ к ней сама. Надя воспользовалась силой против воли своих богов, но, обращаясь за ней сейчас, не получала ничего.

– Все начинает просыпаться. Давно забытое, темное. Старые знания, которые так долго спали. Ты привела это в движение. Ты и этот Стервятник.

Только Надя открыла рот, чтобы возразить, как Пелагея закрыла лицо руками.

– Твои намерения не имеют значения. Ты и мальчишка – хотя что-то мне подсказывает, что его желания никто не учитывал, – освободили Велеса из тюрьмы. И Велес отыскал нового смертного, на которого может претендовать. Он стремится разбудить тех, кто помогал ему в долгой борьбе против главы вашего пантеона.

Надя нахмурилась. В ее пантеоне не было главы. Все боги считались едиными. Их пантеон считался разнообразным и всеобъемлющим. И что Пелагея имела в виду, сказав, что

Велес претендует на какого-то смертного? На кого?

Пелагея склонила голову набок.

– Маленькая клиричка не догадывается? Не качай головой, клиричка, ты, может, и странная – купаешься в крови и соприкоснулась с тьмой, – но нельзя прятаться от своей судьбы и отрицать свое предназначение. Садись, дитя, нам надо поговорить.

Надя нерешительно опустила в кресло.

– Чаю? Мальчишкам я его не предлагала. Они такая странная, безжалостная пара. Просили либо информацию, либо магию, и больше их ничего не интересовало. Так грубо. Мать явно не позаботилась о том, чтобы научить их хорошим манерам.

Мать? Надя не ожидала услышать подобное, поэтому решила подумать об этом позже.

Пелагея подошла к самовару.

– Твои транавийцы. Стервятник и принц. Ох, он же уже король. Мальчик, созданный из тени, и мальчик, обсыпанный золотом.

– Вы видели его? – прошептала она.

Пелагея повернулась к ней.

– Не важно. Не отвечайте. Я...

– Тебе не все равно, маленькая калязинка. Вот в чем твоя слабость. В другое время и в другой жизни это может стать твоей силой. Но сейчас? В этом мире чудовищ и войны? Ты слишком много беспокоишься о других.

Надя прикусила нижнюю губу, стараясь прогнать навевшиеся слезы. Она взяла из рук ведьмы теплую кружку и медленно отхлебнула чай.

– Я не знаю, что мне делать, – призналась она.

– Знаешь, у тебя мало времени, – сказала Пелагея. – Слишком мало времени до того, как небеса разверзнутся, после чего весь огонь и осуждение обрушатся на землю словно дождь. Неужели ты и правда думаешь, что он поглотит лишь Транавию? Что твой драгоценный Калязин не пострадает?

– Это не имеет значения, – устало прошептала Надя и подтянула колени к себе.

– Как же легко тебя сломили шалости богов. – Глядя на Надю, ведьма прищелкнула языком. – Какой позор, какой позор! Я столько возлагала надежд на тебя, дитя. Спасение или разрушение. Я способна и на то и на другое, но стоит сдаться, и потеряешь все шансы.

Надя крепче сжала свою кружку. Она не собиралась сидеть здесь и молча сносить насмешки.

Она попыталась встать со своего кресла, но Пелагея схватила ее за руку и, несмотря на попытки Нади вырвать кисть, ловко перевернула ее.

– Ты тоже, – сказала она. – Но у тебя все по-другому.

– Я украла его магию, – призналась Надя.

– Умница. Уверена, Стервятнику это не понравилось.

Надя пожала плечами.

– Это невероятно. Но, учитывая обстоятельства, мне следовало ожидать от тебя чего-то подобного.

– Возможно, теперь их станет меньше, – пробормотала Надя, задаваясь вопросом, что же означали слова ведьмы.

Пелагея провела пальцем по почерневшему шраму на ладони Нади. А затем поежилась.

– Сила, которая загноилась из-за того, что ей не воспользовались, или нечто темное, что ждет подходящего момента, чтобы выплыть на поверхность?

Надя отдернула руку.

– Ты не ощутила невыносимых мук, которые тебе предвещали. И что же теперь? – поинтересовалась Пелагея.

– Я не желала невыносимых мук...

– Ох, не лги мне. Ты твердишь себе, что твоя вера пошатнулась из-за нескольких симпатичных транавийцев, но я-то вижу всю правду о твоей порочной душе.

Надя неловко переступила с ноги на ногу.

– Я знаю правду о тьме, которую ты скрываешь.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – резко ответила Надя. Слова ведьмы ничего не значили. Она была сумасшедшей.

– Станет только хуже, – продолжила Пелагея, указав на Надину руку. – Это и твое замалчивание. Не смотри на меня так, девочка, думаешь, я не знаю?

– Ты перенесла меня сюда просто так? Или чтобы поиздеваться надо мной?

Ведьма засмеялась.

– Какой острый язычок! Если ты хочешь узнать ответы, то есть лишь одно место, где ты можешь их получить. Но тебе придется следить за шрамом.

– И что это за место?

– Ты умная девочка и, думаю, слышала о Болагвое.

Название показалось Наде знакомым, но она не могла вспомнить откуда.

– В горах Валикхора, – дала подсказку Пелагея.

Надя фыркнула. Это место она знала.

– Какое недоверие, – возмутилась ведьма. – Ты забываешь, что мы обе родом из одной страны. Я чту свои кодексы и вирши¹. Знаю своих святых. И знаю истории о горах Валикхора.

Надя застонала.

– Я не смогу попросить прощения.

В старых легендах упоминалась обитель богов, и, как бы ей ни хотелось верить, что в них есть доля правды, она не переживет этого путешествия. Она часто задумывалась об этом во время своих одиноких бдений в Гражике, но в итоге пришла к мысли, что не стоит полагаться на мифы.

Пелагея дернула прядь черных волос.

– Не сможешь?

– Только обладающие божественной силой могут достичь

¹ Вирши – стихи духовного, а позднее и светского содержания, распространявшиеся в Польше, а затем и в Украине и Белоруссии с конца XVI до начала XVIII века.

гор. В Болагвою просто так не попасть.

– Жаль, что ты не знаешь никого, кто обладает подобными силами.

Сердце Нади забилося быстрее.

– Вы же сейчас не серьезно? Его уже не спасти.

– Спасение? Нет. Возвращение? Хм, тоже нет. Но появится ли у тебя ключ, способный отворить двери в клетку безумия, окружающую его? Возможно.

– И какой в этом толк? – воскликнула Надя и вскочила на ноги, расплескивая на ладонь обжигающий чай. – Я убила проклятого короля, но это не помогло остановить войну. Так что вряд ли смогу остановить Малахию, что бы он ни задумал. Я ничего не могу. И лишилась всего. Так чего ты хочешь от меня?

По комнате разлился непривычный звонкий смех Пелагеи.

– Вопрос не в том, чего хочу я. А в том, что надо тебе. Ты всю жизнь провела, выполняя прихоти других. Неужели свобода так ужасна?

Да. – Я хочу...

Надя облизнула пересохшие губы. Ей хотелось услышать голос Маржени. Хотелось увидеть улыбку Малахии и послушать, как он будет смеяться над своими плохими шутками. До безумия хотелось вновь узнать волю богов. Кажется, она хотела слишком многого.

Надя потерла глаза тыльной стороной ладони. Пелагея

просто затягивала ее в свои сети.

– Я не знаю, – прошептала Надя. Она сорвалась с якоря и потеряла дорогу домой. – А это сработает? Если я отправлюсь в горы?

Ее тут же охватила злость на саму себя из-за того, сколько надежды прозвучало в ее голосе.

Пелагея пожала плечами:

– Может, сработает. А может, и нет, – загадочные ответы не объясняли ничего. – Лес берет свое. Забирает жертвы, всегда жертвы, но готовы ли вы принести их? Он горит, мняется, пожирает. Он голоден. Все столь же древнее сводит с ума грызущий изнутри голод, и он уничтожит тебя, сожрет живьем, не оставив ни кусочка.

Надя закрыла глаза.

– Он поглотит божественные силы, как поглощает все живое, – продолжила ведьма.

– Значит, даже если мне удастся уговорить его помочь мне...

– Это разрушит его разум и еще больше изменит тело. И это уничтожит даже такое существо, как он. Как ты думаешь, это того стоит? Стоит ли его гибель твоего спасения? Вот какой у тебя выбор. Можешь ли ты, любя кого-то, попросить его пожертвовать собой ради самой себя?

– Я должна, – прошептала Надя.

Пелагея улыбнулась.

– А мальчик из Транавии знает эти истории? Знает ли он,

что лес всегда голоден? Что он станет наблюдать за ним, наделенным божественной силой, безумным, сломленным, и выжидать?

Наде придется солгать Малахии, как он солгал ей.

– Разве мальчик, так сильно любящий свою страну, может знать о Настасье Усовой, ее золотом сердце и серебряном языке, которая смогла пережить все испытания леса и взглянуть в лица богов? – сказала ведьма. – Кто удостоился разговора с богами лишь благодаря мольбам и силе воли?

– Никто не сможет выжить, взглянув богам в лицо, – устало ответила Надя.

– Но ты смогла.

Надя замерла. Это не так. Она видела в своих видениях чудовищ. Ужасы, кошмары, но больше ничего.

– Божественные силы – это сладкий, но все же яд. Он заражает, вызывает привыкание, разрушает... и, ну, съедает изнутри. Как съедает лес. Как съест тебя шрам на руке.

Надя сжала пальцы в кулак. Ей надоело слушать эту бессмыслицу.

– Почему ты помогаешь мне? Почему именно сейчас?

Она ничего не слышала о ведьме с тех пор, как умер король.

– Потому что кое-что изменилось, – ответила Пелагея и что-то бросила Наде.

Та едва успела поймать предмет. Это оказался ворьен в черных кожаных ножнах и с рукоятью из белой кости. Она

вытащила ворьен из ножен и уставилась на клинок того же белого оттенка. У нее перехватило дыхание. Ворьен вырезали из кости.

Ее ладонь тут же заныла. Надя нахмурилась, когда почувствовала странную пульсацию в костяном кинжале, который сжимала в пальцах.

– Это съест тебя живьем, если ты не станешь сопротивляться, – сказала Пелагея, указывая на шрам Нади.

– Что это?

– А ты как думаешь? Могущество. Чудовища вечность проспали на краю вашего мира. Твой Стервятник создал завесу, отрезавшую ваших богов от смертных. И что, ты думаешь, он сделал со своей силой сейчас?

У Нади потемнело перед глазами.

– Что? – прошептала она.

Пелагея вскинула голову.

– Ах, наше время истекает. Удачи тебе, koshto dyzenbeek, koshto belsminik.

Стоило Наде моргнуть, как она вновь оказалась на поляне. Только костер уже потух, из-за горизонта показалось солнце, а на ее коленях лежал костяной кинжал.

– Ох, святые мученики, – выругалась она.

Серефин Мелески

«Вода поет. Омущица воеет».

Писание богов, 188:30

– Я беспокоюсь.

– Как и все остальные.

Серефин обвел окрестности взглядом. Они обменяли своих лошадей на первый из череды тех, что им еще пригодятся, кораблей. Но все лучше, чем попасться в руки убийц. Так что сейчас они переправлялись через одно из сотен транавийских озер. Серефин сидел на самом краю, свесив ноги, а рядом возвышался Кацпер, и в жестких линиях его тела читалось отчаяние. Словно он готовился сбежать отсюда в любую секунду. Остальные разместились внизу, на палубе. Солнце только показалось из-за горизонта, и на воде все еще виднелись серые мазки и тени ночи. Поблизости бродили лишь капитан и основные члены экипажа.

Кацпер вздохнул и опустился рядом с Серефином, практически прижавшись к нему от холода. Серефин протянул ему фляжку, и, к его удивлению, Кацпер взял ее. А это не предвещало ничего хорошего.

– Что, если это окажется уловкой, чтобы убрать тебя из

Гражика? Что, если это не имеет никакого отношения к Жанете? Что, если...

– Кацпер.

– Твоя мать, конечно, стальная женщина, но вот ее нервы – нет...

– Кацпер.

– У тебя вновь пораженческое настроение, да? – вздохнул Кацпер.

– Вовсе нет. И все твои опасения обоснованны.

– Тогда почему мы здесь?

Потому что Серефин видел вещи, которых не существовало, и, возможно, оказавшись вдали от магического смога, это прекратится. Потому что Серефин сходил с ума, и ему осталось лишь бежать из столицы и надеяться, что им удастся найти Жанету и все исправить.

– Я... схожу с ума, – очень тихо признался он. – Может, это лишь мое воображение, но, кажется, со мной что-то случилось, когда я умер.

– Кроме того, что мошь сожрала всю твою одежду? – напряженным голосом произнес Кацпер.

– Кроме этого.

– И твоего глаза.

– Ох, глаз – определенно часть проблемы.

И в этот момент все вокруг начало меняться.

«Что-то приходит в движение. Что-то очень голодное».

В этот раз все ощущалось намного хуже. Тело Серефи-

на напряглось, когда его поглотило видение, которое сложно назвать таковым, потому что это ощущалось чем-то более масштабным, более реальным и развернулось прямо перед ним. В мгновение ока он оказался не на корабле и даже не в Транавии. Он находился где-то еще, в каком-то месте, которое не хотело, чтобы он там находился, и которое уничтожило бы его, будь такая возможность. Кровь стекала по коре огромных деревьев, закрывающих все вокруг. А внезапно раздавшийся треск веток показался невероятно зловещим и вызывающим предчувствие надвигающегося ужаса, отчего у Серефина перехватило дыхание.

Это место жаждало чего-то. Его смерти, его жизни. Он не знал. Что-то проскользнуло между деревьев у самой земли. Но Серефину удалось разглядеть лишь множество зубов, больше, чем способен вместить рот живого существа, и при этом с них капала кровь.

– Чем ближе ты подойдешь, тем легче все пройдет. Ты не сможешь противостоять этому, мальчик, и лучше бы тебе подчиниться, или я завладею тобой против твоей воли.

Видение растворилось, и Серефин вновь оказался на палубе корабля, хватая ртом воздух. Видимо, Кацпер оттащил его подальше от края, а его пальцы так сильно сжимали мундир Серефина, что, казалось, ткань начнет трещать по швам.

– Парни, у вас все в порядке? – крикнул капитан.

– Все хорошо, – отозвался Кацпер, но Серефин уловил в его голосе странные нотки. Страх. – Серефин, – пробормо-

тал Кацпер. Он вновь провел холодными пальцами по волосам друга, а затем прижал ладонь к его щеке. — Ты чуть не свалился в воду. Что случилось?

Подавив желание опереться на руку друга, Серефин поднялся на ноги. Какой смысл в беспокойстве Кацпера, если он ничем не сможет ему помочь?

— Именно поэтому мне пришлось уехать, — с трудом выдал Серефин.

И в этот момент у него возникла ужасающая мысль, что все может оказаться наоборот. И чем дальше он отъезжал от своего дома, тем сильнее становился голос.

— У тебя ведь есть план, да? — спросила Надя.

Она совершенно не скрывала своего разочарования, подходя к нему.

Серефин стоял у поручней очередного корабля. Он перестал считать их после того, как напугал Кацпера из-за кошмара наяву, ставшего частью его жизни. Даже сейчас он потирал свой больной глаз из-за того, что увидел, как неизвестный ему монстр насадил на рога свою жертву. Видения все чаще и чаще всплывали в его сознании, становясь пугающе постоянными. Серефин уже боялся бодрствовать, потому что никогда не мог предугадать их появление, но еще больше он боялся заснуть.

— Планы — это все, что у меня есть, — ответил он. — Но нам еще предстоит выяснить, сработают ли они.

Надя натянула рукава мундира на запястья. Это был транзильский военный мундир, причем слишком большой ей по размеру. Серефин не представлял, где она его раздобыла – серебристые эполеты носило только одно подразделение военных, и они никогда не участвовали в сражениях, – но и спрашивать он не собирался.

Надя молча смотрела на кружащийся вокруг них снег. А затем протянула ладонь и, поймав несколько снежинок, наблюдала, как они тают на коже.

В этот момент из воды донесся пугающий звук, за которым последовал глухой удар о борт корабля. Удар оказался настолько сильным, что он опасно накренился набок.

Серефин с Надей обменялись удивленными взглядами. Они дружно перегнулись через перила, не обращая внимания на крики Ханны, их капитана, призывающей отойти подальше от края.

Легкий ветерок резко сменился порывистым ветром. Вода забурлила, а корабль начало качать так сильно, что Серефин испугался, как бы его не выбросило за борт.

Сильная рука схватила его за плечо, оттаскивая подальше.
– Отойди отсюда, мальчик, – приказала Ханна. – Если ты упадешь в воду, они утянут тебя на дно, и нам ни за что тебя не спасти.

– Они? – переспросила Надя.

– Русалки, – ответила женщина. – Сегодня они не в духе.

Судно качнулось вновь, зачерпнув на палубу ледяную во-

ду. Ханна громко выругалась, а Серефин потянулся за книгой заклинаний, но Надя схватила его за руку и покачала головой.

– Думаю, сейчас это не поможет, – сказала она.

Только Кацпер перегнулся через перила, как раздался еще один сильный удар. Ханна быстро оттащила его от борта и, свирепо взглянув, приказала спуститься на нижнюю палубу.

В темной бурлящей воде мелькнула бледная кожа.

– Нам что-то угрожает? – спросил Серефин.

На лице Ханны отразилась неуверенность.

– Если их собралось много и они очень сильно хотят заполучить то, что привлекло их внимание, то да. Но не думаю, что нам что-то угрожает. Обычно они быстро успокаиваются.

Серефин не мог понять, что на корабле могло привлечь их внимание. Лицо Нади побледнело, как полотно. Поморщившись, она потеряла шрам на ладони, а затем потянулась к четкам на шее.

Русалка ударила рукой по борту корабля над водой. Ее кожа выглядела болезненно-прозрачной, а на кончиках пальцев виднелись длинные почерневшие когти. Они так сильно вонзились в корпус, что раскололи дерево. Над водой разнеслись пронзительные, единичные звуки, сливаясь в навязчивую и странную мелодию.

Серефин с опаской выглянул за перила. Из-под воды показалось лицо девушки. Ее глаза выглядели черными, как смо-

ла, и неестественно большими, но Серефину они показались невероятно красивыми.

Русалка вынырнула на поверхность, и ее внешность тут же изменилась.

Жесткие черные волосы облепили лоб, и, когда ее улыбка растянулась до самых скул, Серефин увидел ряды острых крошечных зубов.

Она резко дернулась вперед, но Серефин успел отступить, и ее зубы клацнули в нескольких сантиметрах от его лица.

– Глупец, – пробормотала Надя, оттаскивая его подальше.

Треск разнесся по воздуху, когда русалка начала карабкаться вверх по борту корабля. А через мгновение десятки бледных неуклюжих рук показались из воды, вцепляясь в дерево. Русалки окружали их.

– Я провела на воде всю свою жизнь, но никогда не видела, чтобы они так себя вели, – воскликнула Ханна, изо всех сил стараясь удержать корабль на плаву.

Серефин вновь оказался у перил, хотя и сам не понял как. Но и этого момента просветления хватило, чтобы увернуться от когтей. Вот только он понимал, что его все равно затянет в воду. И, казалось, его это не сильно волновало.

– Нет! – закричала Надя и вновь потащила его от борта, выставив в сторону воды руку со шрамом.

Русалки замерли.

Медленно, в едином порыве, они повернули лица к Наде и уставились на нее. С мертвенно-бледным лицом и открытым

ртом Надя посмотрела на Серефина, и в ее глазах мелькнула паника.

Какой же силой обладала эта девушка?

Надежда Лаптева

Шрам болел, по ладони расплзлось темное пятно, а сердце бешено колотилось в груди. Она не понимала, что происходило. Но явно что-то было не так.

Париджахан с легкостью вывернулась из рук русалки и посмотрела на Надю.

А Надя медленно опустила руку, чувствуя пристальные взгляды всех вокруг. Ее связывала с русалками нить силы – неизвестной силы, – но она не понимала, что это означало. Зато почувствовала, как та оборвалась. Как только она утратила контроль над чудовищами, они вновь вцепились в корабль и потащили его ко дну.

Чувствуя, как в спину ей впился недоумевающий взгляд Серефина, Надя закрыла глаза и сжала пальцы. Что это за магия? Русалка с силой вцепилась когтями ей в предплечья и потянула к себе, отчего Надя бедром впечаталась в перила. Снег сменился ледяным дождем, впиваясь в кожу тысячами холодных иголок.

Это не магия ведьм, не магия крови и не божественное благословение. Но разве могло быть что-то еще? Больше ведь ничего не существовало.

Так что же только что произошло? И сможет ли она сделать это еще раз?

Нить, связывающая их с Малахией, изменилась. И дело не в том, что он наблюдал за ней в эту минуту. Сейчас имело значение лишь то, что эти чудовища собирались потопить корабль. Но из-за чего? Ханна сказала, что их что-то заинтересовало. Но что именно?

Надя настойчиво потянула за нить, пробираясь сквозь тьму. Русалка еще сильнее вонзила в нее свои когти, и, если ей не удастся придумать, как воспользоваться силой, она умрет. Они все умрут.

«Вот оно».

Нить натянулась, а вслед за этим на Надю нахлынула волна силы, которой ей так не хватало раньше. Эта сила разительно отличалась от той магии, которую она знала.

Но все же ей удалось влить в эту силу ее собственную волю. Они должны уйти. Должны перестать мучить судно. Они никому не причинят вреда.

«Уходите».

Казалось, весь мир содрогнулся, и Надя, хватая ртом воздух, рухнула на палубу.

Последовавшая за этим тишина затягивалась, вызывая неконтролируемый страх, что русалки вот-вот вновь кинутся в атаку. Но оказалось, что их и след простыл.

Серефин, в окружении мотыльков, поднялся на ноги и присел перед Надей на корточки.

– Что это было? – требовательно спросил он.

– Я в порядке, спасибо, что поинтересовался, – пытаюсь

восстановить дыхание, выдавила она.

Но он, ничуть не смутившись, уставился на нее. Царившую вокруг тишину нарушал лишь стук капель дождя по древесине. Он уже стихал, но все еще впивался ледяными стрелами в кожу.

«Кровь и кости». Транавийское проклятие невольно всплыло в голове Нади. Она только что воспользовалась непонятной ей самой магией в присутствии капитана корабля. Осознав это, она повернулась к женщине, которая насто-роженно наблюдала за ними.

– Мне неинтересно, что сейчас произошло, – сказала Ханна. Несмотря на продолжающийся дождь, она сняла шляпу, отжала ее и вновь водрузила на темные волосы. – И задавать вопросов я не стану. Никогда не видела ничего подобного. Русалки очень тихие, они забирают нерадивых моряков, но никогда не обращали внимания на мои суда. – Она покачала головой. – Сегодня в воздухе витает что-то ужасающее.

«И не только сегодня». Надя потерла большим пальцем щрам. Но, почувствовав, как отреагировала тьма на ее прикосновение, вздрогнула. Рядом к перилам обессиленно привалилась Париджахан и обхватила голову руками.

– Ты в порядке? – встревоженно спросила Надя.

Аколийка хватала ртом воздух, с трудом пытаясь совладать с дыханием.

– Я могла утонуть, – дрожащим голосом выдавила она.

«Как ее сестра». Надя встала рядом с Париджахан, стара-

ясь не давить на нее своим присутствием, но аcoлийка тут же положила голову ей на плечо. И все это на глазах у наблюдающего за ними, но молчаливого Серефина.

– Все хорошо, – пробормотала Надя, чувствуя, как ложь жжет язык.

А сама все так же продолжала тереть шрам.

Еще несколько минут, которые потребовались Париджахан, чтобы успокоиться, они простояли под дождем. К тому же они так сильно промокли, что не имело смысла спускаться под палубу.

– Что это? – спросила Париджахан после того, как Надя в тысячный раз провела пальцем по спиралевидному шраму на своей ладони.

У Нади сохранился кулон Велеса, поэтому она вытащила его из кармана и протянула аcoлийке.

– Когда мне потребовались силы, чтобы выполнить задуманное нами, я обратилась за ними к древнему богу, который требует кровавых жертв, – медленно произнесла она. – Думаю, это бог Велес. Но не уверена в этом. И это ужасно. Но что еще хуже, вдобавок я украла и часть силы Малахии.

Она все еще помнила, как он спокойно стоял рядом, помнила тяжесть его запястья в руке, пока лезвие скользило по его ладони, высекая требования, с которыми ему следовало бы бороться даже сейчас. Почему он позволил ей это?

Париджахан покосилась на Надю, а Серефин забрал кулон из ее пальцев и повертел его в руках, слегка нахмурив брови.

В этот момент Надя поняла, в чем призналась, и тихо, слегка испуганно засмеялась.

– Ох, нет, – прошептала она.

– Ты не могла забрать его магию, – спокойно произнес Серефин.

– Пелагея тоже так говорила, – напредила Надя. – Но у меня это получилось.

Серефин покачал головой.

– Магия работает по-другому. Существуют правила...

– Ох, ты говоришь прямо как он.

Услышав это, Серефин на мгновение замолчал, но, как и Малахия, потрясение быстро перешло в любопытство.

– Ты ощущаешь это? – спросил он.

Надя вздрогнула. Ох уж эти транавийцы и их разрушительное увлечение магией.

– Я всегда ощущаю это, – тихо сказала она. – Его, – понизив голос, уточнила она.

Серефин удивленно моргнул, но Париджахан, казалось, это встревожило. Надя перевела взгляд с нее на него и прижала палец к центру ладони.

– Но... случившееся сейчас не походило на его магию. И не знаю, что это было.

«Я не знаю, что со мной происходит».

– Меня больше тревожит, что ты постоянно ощущаешь присутствие Черного Стервятника.

Надя беспомощно пожала плечами.

– Я сделала то, что должна была. И теперь живу с последствиями.

– Значит ли это, что и он ощущает тебя?

Надя прикусила нижнюю губу, не в силах заставить себя признаться, что разговаривает с ним.

– Я не знаю, – наконец сказала она. – Но знаю, что он в курсе про нашу связь. Ему неизвестно, кто я такая, но он понимает, где я нахожусь.

Париджахан тихо вздохнула, а Серефин побледнел. Он вновь потерял глаз, и Надя задумалась, не беспокоит ли он его. Она не раз видела, как он делает это.

– Что ж, – тихо произнес он. – Это многое меняет.

– Ты все еще считаешь, что нам необходимо вызволить Жанету из Соляных пещер? – холодно спросила Надя.

– У меня нет другого выбора, – ответил он, и в его голосе слышалась такая же беспомощность, какая охватила ее.

– Ну, может, тогда расскажешь мне, что произошло с тобой той ночью? Что на самом деле произошло, – уточнила Надя. Она не рассказала ему всей правды и не ожидала от него подобной вежливости в ответ, но вдруг это поможет понять, что же случилось. – Я знаю, что ты умер, Серефин. И это заметно по тебе.

– Думаю, сейчас не самое лучшее время для этого разговора.

– А когда будет лучшее?

Он вздохнул. Кацпер и Остия спустились в каюту, на удив-

ление оказавшись далеко от своего короля. Ханна уже давно перебралась на корму, бормоча под нос: «Воспитанные леди так себя не ведут». Обведя взглядом корабль, Серефин сел на палубу и скрестил под собой ноги. Он разжал кулак, и кулон выскользнул из его ладони, тут же начав раскачиваться на веревке.

– Я даже не представляю, что со мной произошло, – выпалил он и вновь потерял глаз, но в этот раз значительно сильнее.

Надя провела большим пальцем по резным граням кулона. Как Костя, ее проказливый, но набожный старый друг, нашел его? Почему он отдал кулон ей?

Когда она подняла взгляд на Серефина, то с ужасом увидела, как по его руке струится кровь. Схватив его за ладонь, она потянула ее к себе. Серефин тихо и протестующе застонал, и Надя попыталась успокоить его.

И тут же заметила, что радужка Серефина стала темно-синей, словно ночное небо, полностью захватив зрачок, и в ней виднелись звезды, постоянно меняющие свое положение. Белок стал малиновым, словно в один момент полопались все капилляры, а из уголка глаза вытекала кровь. Вдобавок к этому его венка под ее большим пальцем забилась быстрее.

Надя краем глаза заметила, как Париджахан побежала звать транавийцев, но они вряд ли смогли бы здесь чем-то помочь. Это состояние Серефина вызвала не магия и не дурной воздух Гражика.

– Надя? – позвал он.

Его голос звучал тихо и потерянно, как у маленького мальчика, оказавшегося в полном одиночестве в темном лесу. Мотыльки, всегда следовавшие за ним, сейчас напоминали белое беспокойное облако над его головой.

Надя тихо зашептала, стараясь успокоить его, а затем прижала пальцы к лицу под его глазом. В тот же момент кожа потемнела, словно покрылась синяками, и из пор начала сочиться кровь.

– Я не могу отгородиться от него, – сказал он, и в его голосе слышался страх. – Оно забрало контроль, и я больше не могу сопротивляться ему.

– Оно?

Серефин не ответил. Зрачок в его здоровом глазу стал просто огромным, а бледно-голубая радужка превратилась в тонкую полоску. На висках выступила испарина, дыхание участилось.

– Серефин, что за «оно»? – вновь спросила Надя, едва сдерживая охватившую ее панику.

Подбежавший к ним Кацпер закрыл больной глаз Серефина черной повязкой и едва успел подхватить его, когда тот потерял сознание и начал валиться набок. Кацпер выглядел таким напряженным, озабоченным и задумчивым, что у Нади сжалось сердце. Завязав повязку, он пригладил волосы Серефина и вытер кровь, начавшую сочиться из-под нее. В его прикосновениях сквозила такая нежность, что Надя почувствовала себя лишней.

– Что с ним происходит? – спросил Кацпер.

Но она лишь пожала плечами.

– Не знаю.

– Что ж, тебе лучше это выяснить и попытаться исправить, калязинка. Иначе славки не успеют до тебя добраться, потому что я убью тебя сам.

8

Серефин Мелески

Своятов Захар Астахов: «Астахов слышал голоса леса... Одни твердят, что с ним говорил Вацлав... Другие – что нечто более древнее... Третьи – что он слышал голос лешего, который в итоге завладел его разумом и заманил в леса Тачилвника, чтобы полакомиться его костями».
Житие святых Васильева

Он узнал символ на Надином кулоне. Но неужели это калязинский бог завладел его глазом? Серефин считал, что боги – противники магии крови, – разве не из-за этого началась война? – но его видение больше напоминало то, чего можно достигнуть с помощью кровавых ритуалов.

Как только их корабль причалил и они отправились на поиски новых лошадей, Серефин вернул повязку Остии. Хотя и немного потрепанную. Надя осмотрела его глаз и сказала, что с ним все в порядке, но, судя по ее голосу и интонации, она даже не представляла, что с ним происходило.

Его пугало не столько видение, сколько охватившая его беспомощность. Он не мог закрыть глаза. Не мог вырваться из видения. И едва мог пошевелиться.

Если он ничего не предпримет, это состояние полностью

захватит его. Вдобавок ко всему Серефин начал переживать, что странная связь Нади и Малахии поставит все под угрозу.

Живия пришла по собственному желанию, а значит, Малахия планировал узурпировать власть Серефина. Если не придумал что-то похуже. И к сожалению, Серефин не мог убить брата в Соляных пещерах... как бы ему этого ни хотелось.

Он не представлял, как убить Стервятника. Они умирали только при чрезвычайных обстоятельствах. А значит, ему придется создать их. Может, Voldah Gorovni и вернулись, но Серефин не мог просто отправиться к ордену калязинских охотников на Стервятников и спросить у них, как лучше убить монстра.

Они уже давно миновали самую ближайшую к Къетри деревню, жители которой не побоялись обосноваться поблизости от окружавшей город темной магии. На земле не виднелось и травинки, а деревья зачахли, если и вовсе не погибли. И сейчас это место выглядело еще более мрачным из-за падающего хлопьями снега. Серефин привык путешествовать по морозу, но когда он сопровождает тебя так долго, то это становится невыносимо.

— Он знает, что я близко.

Серефин вздрогнул, услышав голос Нади, потому что так задумался, что не заметил, как она поравняла свою лошадь с его. Она все так же носила мундир, сейчас практически скрытый под теплым пальто. Ее голову прикрывал капюшон,

а на меховом воротнике образовалась корка льда. И Надя без остановки крутила деревянные бусы четок на шее.

Серефин оглянулся через плечо и увидел, что остальные чуть отстали от них. Кацпер ехал со скучающим видом. Неунывающая, как и всегда, Остия болтала с Рашидом.

– Только ты? – уточнил Серефин, вновь повернувшись к Наде.

– Да. И он не знает, кто я такая.

– Как странно.

Надя поморщилась.

– Он не очень связно мыслит.

Серефин приподнял бровь.

– Ох, ты же тогда находился без сознания, – вспомнила Надя.

– Я знаю, что он сделал.

– Да, но это труднее понять, если не видел этого собственными глазами. Так каков твой план?

– Он должен признать мою власть, чего бы это ни...

Серефин замолчал, увидев выражение лица Нади. После чего вздохнул и еще сильнее натянул шапку на уши.

– Я же только что сказала тебе, что он плохо соображает. Так что вряд ли тебе что-то даст следование протоколу.

– Знаешь, мне бы очень хотелось всадить ему нож в сердце, вытащить из пещер Жанету и покончить с этим.

Надя вздрогнула.

– Это поможет исправить?.. – Она указала пальцем на его

глаз.

– Я теряю разум, – застонал Серефин.

– Судя по всему, да, – задумчиво отозвалась Надя.

Он нахмурился, потому что надеялся, что она с ним не согласится. Но чего он ожидал от девушки, постоянно разговаривающей с богами? Глупец.

Перед глазами у Серефина вновь вспыхнул темный лес, а в нос ударил запах старых листьев и влажного мха. Он покачал головой, пытаясь развеять эту картину, пока она не превратилась в настоящую галлюцинацию.

– У тебя есть план получше?

– Я пойду одна.

– Мне казалось, ты вообще не хотела ехать, – прищурившись, произнес он.

Надя молча смотрела на бесплодное поле, усеянное мертвыми деревьями, по которому стелилась дорога в навье² царство. На одной из ветвей сидел гриф, и Серефин не мог отделаться от ощущения, что он наблюдает за ними.

– Зачем нам всем спускаться туда, если там ждет смерть?

– Как благородно, – пробормотал Серефин.

– Я очень благородна.

– Так зачем это тебе, Надя?

– А разве нужна причина?

Он поднял голову и повернулся, чтобы взглянуть на нее.

² Навь – в славянской мифологии так называлась темная сила, управляющая миром, сама смерть, царство мертвых.

Ее глаза расширились.

– Так зачем? – Он выпрямился в седле.

– Н-не за чем, – ответила она. – Малахия нужен мне для кое-чего.

– Ты только что сказала мне, что он едва связно мыслит и что мой спуск в пещеры ни к чему не приведет.

– Я этого не говорила.

– Но подразумевала это. Может, нам пора начать доверять друг другу? – поинтересовался он. А услышав ее недоверчивый смешок, продолжил: – Хоть немного?

На Надином лице появилась маленькая улыбка.

– Так зачем нам нужен Малахия?

– Это очень сложно и связано с религией.

Лицо Серефина так сильно скривилось от отвращения, что она рассмеялась.

– Нет никакого «нам». Тебя же заботит лишь Жанета, которая поможет тебе вернуть свой трон.

– Ох, не говори так.

– Ты отдал ее Стервятникам, после чего не вспоминал несколько месяцев, и сейчас решил найти лишь потому, что она понадобилась тебе.

Серефин судорожно сглотнул, понимая, что с ее словами трудно поспорить.

– Транавийцы жестоки, – продолжила Надя.

Если он неправильно отреагирует на ее слова, она никогда не расскажет ему о своих планах. Так что Серефин подавил

чувство безысходности, растущее внутри.

– Так что с этого? – спокойно ответил он. – Малахия – предатель, Надя. А ты формально наш враг, так что мне нужно знать, что ты задумала.

Несколько минут посопев от возмущения, Надя вздохнула.

– В Калязине есть место, где, как гласит легенда, обитают боги. Я отправлюсь туда. Перестань так на меня смотреть. Я знаю, чего добивается Малахия. Но то место окружено лесом, через который может пройти лишь тот, кто обладает божественными силами.

– Боги больше не разговаривают со мной, – продолжила она, увидев озадаченное выражение на лице Серефина. – Может, тебя эта новость и не беспокоит, но это... – она указала на снег, припорошивший землю, – ...нападение русалок, а также слухи о других странных происшествиях и ужасах, появившихся из глубин тьмы, где они спали долгое время... Что-то назревает, Серефин.

«Что-то пробуждается. Что-то голодное».

Серефин вздрогнул.

– Но это не означает, что я отпущу тебя, – сказал он.

– Меня не заботит, как ты относишься к богам. Но что-то витает в воздухе, и я намерена выяснить, что происходит и как это остановить. Тебе не обязательно ехать со мной. Я вытащу Жанету, чтобы ты вернул себе трон, и, возможно, тебе удастся остановить эту проклятую войну. И ты отпустишь

меня. Мне нужно вернуться домой. Но у меня ничего не получится без Малахии.

– Так ты считаешь, что он обладает божественными силами?

– Я считаю его идиотом. Но ритуал, который провел твой отец, помог ему стать если не богом, то явно самым могущественным на земле. Так что я не сомневаюсь в силах Малахии. Он сможет провести меня туда, куда нужно.

– Ты уже сказала остальным? – проглотив ком в горле, выдавил он.

Надя покачала головой.

– Возможно, я погибну в пещерах.

Серефину не хотелось, чтобы она спускалась туда одна, но встречаться с братом – это слово все еще казалось ему странным, непривычным и вызывало неловкость своей правильностью – ему хотелось еще меньше. Он не собирался признаваться, как сильно желал позволить Наде самой разобраться с этой проблемой.

– Скажи хотя бы, что у тебя есть какой-то план.

– Мы разговаривали с ним. И я заметила в окружающей его тьме трещину.

– Это не очень похоже на план.

– Как будто твои планы были лучше. – Надя закатила глаза. – Что бы он ни сделал... Думаю, он ожидал чего-то большего.

– Seriously?

Она рассмеялась, несказанно удивив Серефина. Он никогда раньше не слышал, чтобы она так смеялась. Не насмешливо, а легко и беззаботно.

– Да, он заполучил невероятную силу, но, если бы ее хватило, чтобы свергнуть богов, думаешь, мы бы уже не увидели этого?

«Нет, если богов не существует», – раздраженно подумал Серефин.

«Ох, не принимай желаемое за действительное», – прозвучал пронзительный голос у него в голове.

Серефин поднял руку, и большой темно-серый мотылек приземлился на его указательный палец, трепеща крыльями в лучах заходящего солнца.

– Думаешь, его еще можно спасти? – поинтересовался Серефин, понимая, что стоит все продумывать на долгий срок. Ведь в этом случае Малахию будет легче убить.

– Вряд ли. Но возможно, он вновь сможет связно мыслить.

– А если нет?

– Если нет... – Надя замолчала и посмотрела на грифа, который все еще наблюдал за ними. – Тогда Стервятники наконец добьются того, для чего изначально создавался их орден: уничтожат всех калязинских клириков.

– Мне казалось, ты хочешь, чтобы он сгнил.

– Да, – пылко ответила Надя. – Он заслуживает любого кошмара, в котором оказался, но он единственный, кто может довести меня до обители богов.

Несколько минут они ехали молча, пока лошади, одна за другой, не начали упираться ногами в землю, отказываясь идти. Серефин понимал их упрямство, потому что и сам не желал делать и шага, но все же принял решение продолжить путь пешком.

– Ты оставишь их здесь? – возмутился Рашид.

Они находились далеко от любых признаков жизни, и их окружали бесплодные, сухие поля.

– Я же не монстр, – сказал Серефин.

– Я бы поспорил.

Серефин не стал отвечать, а вместо этого разрезал бритвой предплечье и принялся листать книгу заклинаний. Вырвав одну из страниц, он размазал по ней свою кровь и сдул превратившееся в пепел заклинание на лошадей. После чего он обмакнул пальцы в кровь и, едва оставляя лишь маленькое пятнышко, дотронулся до бока каждой лошади.

– С ними ничего не случится. Они доберутся домой.

– Зря ты это сделал, – неодобрительно проворчал Кацпер. – Нужно было просто оставить их здесь.

– Так вот кто здесь чудовище! – воскликнул Рашид.

Кацпер в ответ лишь закатил глаза.

Серефин повернулся к Наде, которая смотрела на горизонт в направлении Соляных пещер. Ему не очень хотелось верить ей, ведь, если Надя не сможет вытащить Жанету, он потеряет гораздо больше, чем она. Калязинская девушка-клирик и король Транавии. Заклятые враги, ставшие вы-

нужденными союзниками. Вот только их союз сейчас поддерживался лишь взаимным отчаянием.

Но все же Серефин собирался позволить ей поступить по-своему. Чтобы убить Стервятника, требуется много сил. А для убийства Малахии их потребуется еще больше. Но Серефин чувствовал, что, если у Нади все получится, разобраться с братом будет легче.

– Не заставляй меня пожалеть об этом, – предупредил он.

– Я уже жалею, – отозвалась она с задумчивой улыбкой.

Надежда Лаптева

*«Вкус крови, просачивающейся сквозь сломанные
зубы, и обещание, что когда-нибудь все закончится.
Вот только голод вечен».*
Волхотникон

Бесплодные поля в окружении тьмы казались жуткими, когда Надя тихо выбралась из лагеря. Как бы беспечно ни звучал ее голос во время разговора с Серефином, она никогда не продумывала, что будет делать. Ее вели лишь надежды и молитвы. И с каждым шагом она приближалась к своей смерти.

Ее встревожило, насколько непритязательным оказался вход в Соляные пещеры. По сравнению с вычурными дверьми собора в Гражике, это место казалось окруженным злобещей тишиной. Ничего не подозревающий путник мог бы случайно заглянуть в эту лачугу и оказаться посреди кошмара.

Как легко она могла оказаться посреди кошмара.

– Маленькая птичка решила рискнуть своим рассудком? – возникнув рядом, сказал Малахия.

Надя постаралась скрыть, насколько он напугал ее, но ей

это не удалось. Она смотрела на дверь, украшенную резными символами, и кровавые отметины, видневшиеся на деревянных стенах.

– Я и не знала, что ты выбираешься из своих священных залов, – ответила она.

«Не смотри».

Он тихо фыркнул и прошел мимо нее. Надя опустила голову, не желая, чтобы он заглядывал ей в глаза.

– Следуй за мной, – произнес он.

Надя зашагала за ним, не поднимая головы и не отрывая взгляда от его покрытых кровью тяжелых черных крыльев, которые волочились по земле.

«Не смотри».

Подойдя к самым дверям, она помедлила. Темнота за порогом пугала до дрожи. Казалось, Наде предстоит шагнуть в навье царство. Предстоит последовать за ним туда, откуда она никогда не сможет выбраться.

– Ты далеко забралась.

Надя чуть не подпрыгнула, услышав голос у самого уха. Чья-то рука схватила ее за локоть и подтолкнула вперед, отчего мир тут же погрузился во тьму.

Живия.

– А где же король? Разве эта безумная затея была не его идеей?

В повисшей тишине Живия заправила выбившуюся прядь Надиных волос ей за ухо, слегка царапнув по щеке железны-

ми когтями. И, не дождавшись от Нади ответа, рассмеялась.

– Ох, ты здесь совсем по другому поводу, верно? Ты пришла из-за него.

Во дворце Стервятница вела себя совершенно по-другому. Может, именно в этом месте всплывали их самые темные помыслы, отчего они становились чудовищами, а не людьми?

– Дорогая, я так рада, что мне удалось достучаться до тебя, хоть это не закончится ничем хорошим. Но я с нетерпением жду того, что ты попытаешься сделать. Идем сюда. Здесь лестница. Нам предстоит долгий путь вниз.

Живия переплела свои пальцы с пальцами Нади и сжала их:

– Я не скажу ему, не скажу, – пробормотала она. – Он и так сбит с толку из-за тебя. Растерян. Так что я не скажу ему, что ты знаешь. Ты можешь попытаться, towy Kalyazi, но не думаю, что у тебя получится.

Стервятница тащила Надю вниз по ступеням.

И чем ниже они спускались, тем холоднее становился воздух. В какой-то момент Наде показалось, что это никогда не закончится. Что она останется запертой на этой лестнице, в темноте, до самой смерти. Она никогда бы не решилась спуститься вниз без Живии. Но ее злило, что приходится полагаться на Стервятницу.

На лестнице не встречалось ни одного светильника, поэтому Наде не удавалось ничего разглядеть. В воздухе стоял

привкус железа и металла. Темнота давила. Казалось, кто-то двигался в глубине, но Надя и сама не понимала, действительно ли в лабиринтах переходов и в нишах прятались чудовища, не похожие на людей, с несколькими рядами зубов, или это разыгралось ее воображение.

А еще она не понимала, находился ли рядом Малахия – нет, не Малахия, Черный Стервятник, – или он бросил ее на произвол судьбы.

Вдалеке раздался чей-то крик, и Надя замерла на ступеньке, хватая ртом воздух. Он совсем не походил на человеческий, ну, за исключением нескольких ноток, словно все, кроме этих жалких крох, уже порвали ржавые гвозди.

Живия замерла, ожидая, пока Надя продолжит путь.

– Что это было? – просипела Надя.

– Не думаю, что ты действительно хочешь это знать, – ответила Живия с улыбкой в голосе.

Нет, не хотела. Надя не хотела этого знать.

Ее сердце колотилось невероятно быстро и подскочило к самому горлу, но, как бы она ни пыталась сглотнуть, у нее не получалось успокоиться. Ей не хватало воздуха в легких. Казалось, здесь вообще не было кислорода, и она просто задохнется, а стены сомкнутся вокруг нее. Живия замедлила шаг и придержала Надю, помогая ей протиснуться мимо грубо стесанных каменных стен, когда проход значительно расширился. Надя никогда не замечала раньше, что боится тесных пространств, но, пробираясь по этому проходу, не могла от-

делаться от мысли, что вскоре окажется в ловушке, а стены поглотят ее живьем.

Она постаралась сосредоточиться на себе. На руке Живии в своей. На дыхании. И не обращать внимания на остальное. Какими бы громкими и реальными ни казались крики.

Они продвигались вперед, пока проход не сменился огромным тронным залом. Еле чадающие факелы заливали помещение бледным светом. Стены покрывали написанные кровью символы, а на полу валялись кости, но, в отличие от собора, здесь не чувствовалось и намека на изящество. Скорее уж полная первобытность. И посреди этого нечистого места возвышался трон, вырезанный из костей, обшитый золотом и инкрустированный аметистами. Этот пугающий, но прекрасный символ власти, очень напоминающий тот, что стоял в соборе в Гражике, сверкал в мерцающем свете.

«Не смотри, не смотри, не смотри».

Но ее глаза сами отыскивали Черного Стервятника.

Он восседал на троне в до боли знакомой позе: боком к спинке и закинув ногу на подлокотник. Черные вены виднелись под бледной кожей. Из тела торчали железные шипы, с которых капала кровь. Тяжелые черные крылья прижались к другому подлокотнику. А сам Черный Стервятник лениво покусывал заостренный конец когтя сверкающими, острыми, как бритва, железными зубами.

Но не это показалось ей самым худшим. Не от этого ее желудок сжимался, а желчь подступала к горлу. Что-то вид-

нелось за его образом, что-то, что Надя не смогла определить. Словно за то время, что Малахия прятался во тьме, он стал еще ужаснее, и это лишь подтверждалось расползающимися по его коже трещинами. Но, стоило ему пошевелиться, все менялось. Каждый раз, как только ей удавалось рассмотреть его, чудовищные черты менялись. Миг, и кажется, будто его глаза стекают к подбородку, но при этом продолжая моргать. Миг, и сквозь кожу на его щеке проступают острые зубы. Миг, и на лбу проступают бледные глаза с красным белком, совсем не напоминающие те черные, словно оникс, что запомнились ей. Постоянно изменяющийся и сумбурный кошмар.

Отчаяние затопило ее. Все оказалось гораздо хуже, чем Надя себе представляла.

Его глаза цвета оникса скользнули по ее лицу, но ей не хотелось встречаться с ним взглядом. Его чернильно-черные длинные волосы с золотыми бусинами спутались, и в них виднелись кусочки костей. Но хуже всего стало в тот самый момент, когда в его облике проскользнули черты его совершенно человеческого и мучительно прекрасного лица. И тогда ее хрупкая броня, которую она так старательно выстраивала вокруг себя, разлетелась на куски. Вот только тот до боли знакомый облик исчез в следующую же секунду.

И осталось лишь чудовище.

Улыбка медленно растянула его губы, обнажая железные зубы и острые клыки, пока он внимательно, но опасливо рас-

сматривал ее.

Наде следовало что-то сделать.

– Ваше превосходительство, – поклонившись, произнесла она, – пусть перед вами всегда стелются реки крови.

Но не успела она выпрямиться после своего притворного почтения, как он оказался рядом с ней и, схватив за затылок, потянул голову назад.

– Теперь тебя легче убить, – задумчиво произнес он. – Когда ты здесь.

– Чем через связующую нас нить? Наверное, да. Но и мне легче сопротивляться, – заметила Надя.

Железные когти впились в кожу на ее голове. Это оказалось бы очень легко. Слегка сдавить, и она падет мертвой к его ногам. И Надю удивляло, почему мысль о собственной смерти показалась ей такой заманчивой.

– Вот только, – продолжила она с насмешкой в голосе, – это никак не утолит твое любопытство.

Черный Стервятник позволил ей выпрямиться и, переместив руку, поднял ее подбородок своим железным когтем. Надя уже и забыла, насколько он высокий.

– Ну, это мы еще посмотрим, пташка.

И в его переменчивых ужасающих чертах на мгновение проявился испуганный одинокий парень, который потерялся в этом хаосе и искал, что помогло бы ему спасти то, что от него осталось.

Трещина в броне.

Слабость, которую Надя могла бы использовать.

Как только Черный Стервятник отпустил ее, она тут же отступила на шаг. Склонив голову набок, он внимательно наблюдал за ней, словно хищник.

– Зачем ты пришла сюда? – спросил он.

– Несколько месяцев назад ты принял в ряды ордена одну славку, – сказала Надя. – Я хочу вернуть ее назад.

Живия с любопытством посмотрела на Черного Стервятника, словно не она подала идею прийти сюда. Надя не доверяла ей и удивлялась, почему Стервятница не сказала ему, кто она такая. Черный Стервятник слегка нахмурился и посмотрел на Живию. Что-то блеснуло в его глазах цвета оникса.

– Ох, та ошибка, ну конечно. Приведи ее, Живия. Только будь осторожна, она давно не видела света.

Ужас сковал душу Нади. Она плохо знала Жанету, но та относилась к ней довольно доброжелательно, когда Надя притворялась одной из претенденток на руку Серефина.

На самом деле она порадовалась, что Равалык закончился ничем. Сейчас, узнав Серефина получше, она не представляла себе худшей участи, чем выйти за него замуж. А ведь в то время Надя была на пути к победе.

– Зачем тебе моя Стервятница? – спросил он.

– Ты только что назвал ее «ошибкой», не похоже, что она тебе нужна, – ответила Надя.

Черный Стервятник вновь шагнул к ней и подцепил ног-

тем ее четки. На Надю нахлынули воспоминания об их первой встрече, перемешиваясь с изменившейся реальностью. Чересчур любопытный парень, стоящий в снегу. Чудовище во тьме, пытающееся разгадать загадку. Его глаза цвета оникса скользнули по бусинам, а брови слегка нахмурились.

– Ведьмовская магия и божественное благословение, – пробормотал он. – Ты так и не сказала мне, кто ты, towy dżimyka.

Слышать это прозвище без теплых ноток, с которыми его произносил Малахия, оказалось большее, чем Наде хотелось бы признавать.

– И ты тоже. Полагаю, мы квиты, – парировала она.

Его лицо вновь изменилось.

– Калязинка.

– Да? А мне казалось, мой транавийский почти безупречен.

Надя прекрасно понимала, что это не так, но ее владение языком значительно улучшилось с тех пор, как он начал обучать ее.

– Очень смело с твоей стороны считать, что ты покинешь это место целой и невредимой. Или глупо. Мы на войне, маленькая калязинка.

Надя пожала плечами.

– Стервятники же не участвуют в военных действиях. Да и с кем тебе сражаться? Клириков больше нет.

– Есть один, – задумчиво произнес Черный Стервятник.

– Да, – тихо согласилась Надя. – Есть.

Он знал, кто она такая. Даже в этом рассеянном, с трудом мыслящем, лишенном души состоянии. Его разум пострадал, но не притупился.

– Ты убьешь меня?

Черный Стервятник задумался и нахмурился. Нет. Пока нет. *Пока нет.*

«*Не стоит меня бояться, Надя*, – говорил он и шепотом добавлял: – *Пока нет*». Надя с горечью вспомнила его слова. «А я проигнорировала его предупреждение».

Черный Стервятник шагнул ей за спину, вынуждая Надю напрячься. Сопровождающая его тьма проскользнула мимо нее, отчего страх забурлил в груди так сильно, что у Нади закружилась голова.

«Мне не следовало приходить сюда одной». Лишающий мыслей ужас пополз по ее спине.

– Так ты скажешь, как тебя зовут? – поинтересовался он.

– А ты назовешь мне свое имя?

Его тихий, скрипучий и неприятный смех разнесся по залу.

– У меня нет имени, – прошептал он, практически уткнувшись ей в лицо. – Я – нечто более значимое. Значимее, чем все остальное. Я – тьма, которой поклоняются, яд, рождаемый в сердцах людей, ересь, тьма.

– Что ж, это многое объясняет.

– Зачем ты пришла? – спросил он, овевая горячим дыха-

нием ее ухо, а затем провел когтем по ее щеке. Прикосновение оказалось достаточно легким, чтобы не оставить после себя царапины от острого, словно бритва, железа. – Почему от тебя несет ведьмовской магией и святостью? Какую цель ты преследуешь? Неужели желаешь меня погубить? Что ты готова отдать, чтобы я не раздавил твои кости?

– Ох, почему ты не можешь задать вопрос, на который действительно хочешь знать ответ?

Она была всего лишь маленькой птичкой, а он – отвратительным Стервятником, который перемалывает кости в пыль и способен заглотить солнце. Черный Стервятник ожидал от нее страха, но ей не хотелось доставлять ему такого удовольствия.

Он повернул ее лицом к себе и опустил тяжелые руки ей на плечи. Наде пришлось опустить глаза, потому что она больше не могла смотреть на ужасные картины, отражающиеся на его лице.

– Магия принадлежит тебе? – спросил он.

Она убрала его правую руку со своего плеча, а затем перевернула ладонью вверх. И тут же нахмурилась. Его шрам оказался чистым. Не произнося ни слова, Надя стянула перчатку со своей руки и обнажила ладонь. Ее шрам почернел, темные вены заполнили ладонь, и одна из них уже начала виться вокруг ее безымянного пальца.

Почему его шрам оказался чистым, а ее – чернел?

Черный Стервятник озадаченно посмотрел на ее шрам.

Сжав в кулак свою поврежденную руку, второй он, едва касаясь, провел по ее ладони.

– Магия не моя, – призналась Надя.

Он встретился с ней взглядом.

– Но ты же понимаешь, что это такое?

Надя предполагала, что это сила Велеса, но вдруг она ошибалась? Вдруг он знал что-то еще?

– Я не знаю, как ее разорвать.

Протянув руку, Надя дотронулась до кусочка кости, который выглядывал сквозь его темные, растрепанные и спутанные пряди волос. Она явно пересекла черту дозволенного, но он не отпрянул.

Наде предстояло ткнуть пальцем в трещину в его броне и расковырять ее. Она знала его имя, а еще как он сильно держался за него, но хватит ли этого? Он должен захотеть, чтобы это стало его якорем, должен захотеть быть Малахией Чеховичем.

Но для начала ей нужно дозваться до него, привлечь внимание парня и при этом добиться разрешения монстра забрать Жанету. Сейчас это казалось невыполнимой задачей.

Между ними повисло напряжение. Но Надю больше тревожил тот факт, что она не испытывала желания вытащить свой ворьен и воткнуть ему в сердце.

– А вот и она! – разрушая тишину, пропела Живия и толкнула сгорбленную хрупкую девушку в тронный зал.

Надя втянула воздух сквозь стиснутые зубы, понимая, что

момент разрушен. Черный Стервятник тут же отступил к своему трону. Живия резво вскочила на помост и устроилась у подножия трона.

– Что ты от нее хочешь? – спросила она, словно Серефин ничего ей не рассказывал.

Надя сердито посмотрела на нее, а Стервятница в ответ едва заметно покачала головой.

Вот только помогала она или нет?

Надя медленно приблизилась к скрючившейся Жанете. И ее ужаснуло то, что удалось разглядеть под завесой свисающих кудрей.

– Мне сказали, что она предательница, – заявил Черный Стервятник.

– Сказали? – переспросила Надя. – Ты же был там.

На лице Черного Стервятника отразились задумчивость и смущение, а Живия выразительно посмотрела на нее.

– Что? – В этом единственном слове слышались нотки потерянного во тьме, сбитого с толку парня, но его тут же и след простыл.

«Перестань». Ей не следовало разделять их. Все эти личности и есть Малахия.

Надя пожала плечами. Ему явно хотелось спросить у нее что-то еще, но вместо этого он откинулся на спинку трона и нахмурился от легкого недовольства.

– Жанета? – отвернувшись, прошептала Надя, но побоялась дотронуться до славки.

– Вряд ли она знает свое имя, – сказал Черный Стервятник. Он подпер подбородок рукой, чтобы понаблюдать за происходящим. – Как и осознает... реальность происходящего.

– Говори за себя, – пробормотала Надя.

Черный Стервятник изогнул бровь, а Живия прищурилась. Она вела себя слишком фамильярно.

Надя протянула руку и тут же вздрогнула, когда узловатые пальцы с зазубренными, обломанными ногтями сомкнулись на ее запястье, а занавес из волос скользнул в сторону.

– Ох, дорогая, что же они с тобой сделали? – прошептала она.

10

Серефин Мелески

«Раздвиньте плоть, раздробите кости и посмотрите, что представляет собой бывшее сердце существа, которое когда-то жило, а теперь уже нет. Велес – это хитрость. Велес – это терпение».

Записки Владзимежа

Серефин уже давно понял, что, когда Остия выходит из себя, это чревато последствиями, поэтому старался избегать этого любой ценой. Но чем дольше они разбирались с Малахией, тем больше появлялось предпосылок для неизбежного.

– Что значит, ты позволил ей уйти? – спокойно спросила Остия.

– Мы ведь не можем отправиться на штурм Соляных пещер, верно? – отозвался он.

Когда, проснувшись, они обнаружили, что Надя сбежала, Серефин испытал невероятное облегчение. Он чувствовал, что еще не готов встретиться лицом к лицу с Жанетой, и радовался, что Надя взвалила это бремя на свои плечи.

– Зачем ты позволил ей уйти? Чтобы она вернула Жанету? Серефин кивнул, и Остия сверкнула глазами.

– И все?

– Если она преследовала личные мотивы, то это ее дело.

Может, пора перестать сомневаться в моих решениях?

Он обошел подругу и, подбросив дров в костер, принялся рыться в рюкзаке в поисках съестного. Аколийцы отправились поближе рассмотреть вход в пещеры и, наверное, попытаться взломать его.

Остия сжала кулаки.

– Как можно было рассматривать это всерьез, Серефин!

– А у тебя есть план получше? – рявкнул он.

– Надя отправилась за девушкой, которая убила тебя, хотя мы могли спокойно разобраться с делами и без Жанеты. Так что да! У меня есть план получше! Но ты никогда меня не слушаешь!

– А зачем мне прислушиваться к тому, кто лгал мне годами?

Остия широко открыла рот от удивления.

– Я никогда не лгала тебе, – холодно ответила она. – Ты никогда напрямую не спрашивал о нем.

Кацпер наблюдал за их спором с таким видом, словно опасался, что через пару мгновений они набросятся на него. Серефин, насколько он помнил, никогда так сильно не ругался с Остией. Но ему надоело, что все его решения подвергались сомнению, когда и так все рушилось прямо у него на глазах.

Неудивительно, что никто в Транавии не воспринимал его всерьез. Ведь на каждое его предложение возникало множе-

ство возражений. «Ты уверен, что хочешь придерживаться этого плана, Серефин?» «Разве нет другого способа справиться с этим, Серефин?» «Неужели ты не мог бы проявить чуть больше такта, Серефин?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.